

И. Г. ЛОБОДА

КОРЕЙСКАЯ МОЗАИКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

И. Г. ЛОБОДА

КОРЕЙСКАЯ МОЗАИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1985

Редакционная коллегия

К. В. Малаховский (председатель),
Л. Б. Алаев, А. Б. Давидсон, Н. Б. Зубков,
Г. Г. Котовский, Р. Г. Ланда, Н. А. Симония

Ответственный редактор и автор предисловия

В. Д. Тихомиров

Лобода И. Г.

Л68 Корейская мозаика. Предисл. В. Д. Тихомирова.
М.: Главная редакция восточной литературы изда-
тельства «Наука».

96 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

В книге журналиста-международника на основе впечатлений, сложившихся во время его многолетнего пребывания в Корее, в очерковой форме рассказывается о Корейской Народно-Демократической Республике, ее трудолюбивом народе, о некоторых национальных особенностях, а также о культуре и традициях этой страны. С большой любовью автор описывает природу КНДР, повествует о том, как народ отвоёвывал у гор и моря земли под поля и сады.

Л 1905020000-222 203-85
013(02)-85

ББКл8

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1985.

ОТ РЕДАКТОРА

За годы, прошедшие после освобождения Кореи от японского колониального господства в августе 1945 г., многое изменилось в жизни корейского народа. В результате разгрома японского милитаризма и победы революционных сил на севере Корейского полуострова образовалось государство рабочих и крестьян — Корейская Народно-Демократическая Республика. Она была провозглашена 9 сентября 1948 г. С той поры трудящиеся Народной Кореи при постоянной и действенной поддержке Советского Союза, всех государств социалистического содружества прошли славный путь побед и свершений.

Они отстояли в течение 1950—1953 гг. в огне ожесточенных боев против американских агрессоров завоевания революции, добились не только восстановления в предельно короткие сроки разрушенного войной хозяйства, но и превращения страны в развитое в индустриальном отношении социалистическое государство.

Ныне Корейская Народно-Демократическая Республика признана равноправным членом мирового сообщества более чем 100 государствами, прежде всего социалистическими странами.

В Северной Корее продолжают успешно развиваться под руководством Трудовой партии Кореи экономика, культура, повышается благосостояние трудящихся, выполняются и перевыполняются задания очередного семилетнего плана развития народного хозяйства (1978—1984), закладывающего материально-техническую основу социализма и коммунизма.

В южной части Кореи сложилось иное положение. Власть находится в руках военщины, крупной буржуазии и бюрократии. Американский империализм с первых дней после освобождения повел дело к созданию на Корейском полуострове капиталистического государства. Сорвав выполнение международных решений по послевоенному урегулированию корейской проблемы, не допустив образования единого демократического корейского государства, империалистические круги и внутренняя реакция создали на Юге Кореи марионеточный режим и осуществили раскол единой корейской нации. В ходе корейской войны 1950—1953 гг. они попытались вооруженным путем распространить на Север Кореи капиталистические порядки, но потерпели сокрушительное поражение от объединенных сил Корейской Народной Армии и пришедших ей на помощь китайских народных добровольцев, благодаря поддержке — военной, экономической и моральной — Советского Союза, других социалистических стран, всего прогрессивного человечества.

С этого времени империализм и южнокорейская реакция не оставляют планов насильственного решения корейского вопроса. В последнее время они усиливают военные приготовления на Корейском

полуострове как за счёт качественного совершенствования находящих на территории Юга американских войск, насчитывающих более 41 тыс. человек и размещенных на 40 базах, так и за счет стимулирования процесса милитаризации Южной Кореи, в первую очередь путем оснащения ее более чем 650-тысячной армии самыми современными видами оружия и содействия развитию ее военной промышленности. Этой же цели подчинены их усилия по формированию агрессивного военно-политического блока Вашингтон—Токио—Сеул.

Подлинную стабильность, мир и возможность достижения национального единства корейскому народу несут, естественно, не планы империализма и реакции, а его собственная энергичная борьба за обеспечение мирного, демократического объединения страны без иностранного вмешательства. Этот курс пользуется постоянной дружеской поддержкой Советского Союза, всех социалистических государств, мирового прогрессивного человечества.

В представленной вниманию читателей книге И. Г. Лободы затрагиваются в очерковой форме лишь некоторые стороны жизни Народной Кореи. Находясь в качестве корреспондента газеты «Известия» в КНДР в течение четырех лет, он имел возможность непосредственно наблюдать за успешным социалистическим строительством в этой стране, видеть воочию героические будни корейского народа, его неутомимый труд на благо родины. Автор рисует картину жизни простых корейских крестьян, занятых выращиванием риса — основной культуры земледелия, знакомит с элементами истории страны, описывая древнюю столицу Кореи город Кэсон и его окрестности, приоткрывает тайны производства всемирно известного корейского женшеня, рассказывает о замечательном уголке страны — Алмазных горах, не только средоточии природных красот, но и месте, наполненном ароматом старинных преданий.

Очерки И. Г. Лободы — это проникновенный, исключительно доброжелательный рассказ о скромных, трудолюбивых людях Народной Кореи, подлинных творцах всех ее успехов в индустриальном и аграрном развитии. За описанием многочисленных встреч автора с представителями самых разнообразных профессий, за рассказом о ее истории, ее природных достоинствах, о тех страданиях, которые принес корейскому народу раскол страны, и его борьбе за объединение родины читатель поймет прошлое, настоящее и будущее новой Кореи, сможет посмотреть на нее глазами внимательного друга, почувствовать биение трудового пульса нашего соседа и союзника — Корейской Народно-Демократической Республики, разделить радости и заботы трудящихся людей социалистической Кореи.

В. Д. Тихомиров

ТЫСЯЧЕЛЕТНИЙ КЭСОН

Каждого, кто бывал в Народной Корее, удивляла необычность этой страны, на всех она производила неизгладимое впечатление. Но кто бы ни был гость — ученый или рабочий, старый или молодой, он непременно обращал внимание на одну характерную ее особенность: там нет столь распространенных повсюду контрастов между старым и новым. В КНДР все новос: промышленные предприятия, порты, железнодорожные станции, жилые дома, общественные здания, плотины, шлюзы...

Неужели прежде не были ничего стоящего? — спросит недоумевающий читатель. Было, конечно, было, и немало. Корея — древняя страна с историей, уходящей далеко в глубь столетий. Ее жители, наделенные и трудолюбием, и художественным даром, много строили, и их сооружения свидетельствовали не только о хорошем знании строительного дела, но и о тонком понимании прекрасного. Потомки склоняли головы перед творениями ума и рук своих предшественников, перед их талантом и творческим дерзанием.

Многие строения, воплотившие черты традиционной корейской архитектуры, стояли сотни лет, восхищая гармонией и совершенством линий. Дворцы и храмы, крепостные стены, гробницы знати и даже жилые дома строились по многу лет и на века. В них видели символы вечности, которые должны были обеспечить их создателям бессмертие.

Однако война 1950—1953 годов, развязанная южнокорейской реакцией и ее империалистическими покровителями, прошла по республике гигантским катком, превратив целые жилые районы в пустыню. От разрывов тысячекilограммовых фугасок и многотонных ракет взлетали и падали, как соломинки в огромном пожаре, дома и склады, мосты и телеграфные столбы. Женщины с детьми переселялись в бомбоубежища. Над ними грохотала война, обратившая в пепел остатки их семейных

очагов. Это варварство вызывало возмущение всего прогрессивного человечества.

Американские войска составляли костяк армии агрессоров, прикрывавшихся флагом Организации Объединенных Наций. Официальными же участниками интервенции были США, Англия, Франция, Австралия, Бельгия, Канада, Колумбия, Эфиопия, Греция, Голландия, Новая Зеландия, Филиппины, Таиланд, Турция, Люксембург, Южно-Африканский Союз. Интервенты проявили себя на Корейском полуострове как вандалы, жестокие и высокомерные. Они не могли простить корейцам их желания самим решать свои дела, их стремления жить в мире, в одном корейском государстве. Что им было до корейской культуры, формирование которой шло на протяжении более чем двух тысячелетий, до шедевров корейского зодчества, которые пощадили прежние войны и междоусобицы.

Однако силы мира положили конец агрессии. Для корейцев наступили нелегкие мирные будни. Упорство, с которым население переносило повседневные невзгоды, организованность и трудовые подвиги были сродни героизму на поле боя. Люди не теряли веру в то, что упорным трудом они преодолеют разруху. Поражала неистощимая изобретательность корейцев, находивших способы сделать свою жизнь более или менее сносной. Слово «восстановление» не годится для определения того, что совершили трудящиеся КНДР за последние три десятилетия. Надо было не восстанавливать, а на руинах все строить заново.

Поэтому в новой Корее нелегко найти старину. Даже деревья в скверах и вдоль дорог посажены после войны. Стоит ли удивляться, что у многих складывается впечатление, будто история этой страны началась три-четыре десятилетия назад. Но, несмотря ни на что, есть счастливые исключения. Одно из них — Кэсон со своей необычной судьбой. Этот город, расположенный среди зеленых сопок в самом центре Корейского полуострова, сохранился чудом. Земли, на которых лежит Кэсон, а также и те, что раскинулись вокруг него,—это край древней культуры корейцев, их традиционных представлений и обычаев, имевший развитые связи с центрами китайской цивилизации бассейна реки Хуанхэ.

Наиболее значительную роль в истории Кореи Кэсон начинает играть с 918 года, когда могущественный король Ван Гон объединил многие земли и образовал государство Корё со столицей Кэгён (Кэсон). Ван Гон

был дальновидным правителем и по тем временам незаурядной личностью, суровым и требовательным властелином, крепко державшим в узде своих подчиненных и не терпевшим никаких проявлений своеволия. Он рассуждал примерно так: молнии грозят многим, но поражают лишь некоторых, море же, выйдя из берегов, не щадит никого.

Кэсон на протяжении почти пятисот лет (до 1392 года) был столицей государства Корё, а далее развивался как административный и культурный центр. Там возводили дома, совершенствовались науки и ремесла, создавались исторические хроники, книги. Кстати сказать, кэсонцы печатали книги ксилографическим способом, затем с помощью деревянного, несколько позже керамического и с XIII столетия металлического шрифта. Государство успешно торговало с Китаем, Японией, северными племенами. Изделия корёских мастеров — бумага, фарфор, предметы прикладного искусства — были известны далеко за пределами страны.

Кэсон был окружен крепостной стеной с воротами, расположенными по четырем сторонам света. Городские постройки знати своей помпезностью должны были символизировать могущество государства, а также демонстрировать величие и недоступность власти перед простым людом, очаровывать его внешним блеском.

Массивная стена извивалась по холмам, как огромная окаменевшая змея. По звону колоколов открывались и закрывались городские ворота. Днем всякий мог входить и въезжать в Кэсон через арочные проемы в воротах, над которыми возвышались строения в виде беседок, выполненные в традиционном стиле — с затейливо загнутыми кверху углами крыш. С наступлением темноты и до рассвета ворота накрепко запирались. Начальники стражи, нарушавшие это правило, карались смертью.

У ворот сановники Кэсона встречали китайских гостей, тщательно соблюдая соответствующий случаю ритуал, которому сопутствовали одинаковые, заученные фразы и жесты. Корё находилось в вассальной зависимости от Китая, которая характеризовалась, с одной стороны, строгим соблюдением внешних ритуалов, а с другой — сравнительной независимостью государства Корё.

С внутренней и с внешней стороны ворот собирались люди, они вели оживленную торговлю, обменивались новостями, делились своими горестями. Тут были и читав-

шие премудрые книги колдуны-гадальщики, которые любому, кто им заплатит, могли гарантировать лучшее место на небесах. Прорицатели сноровисто отыскивали таинственные признаки приближающегося светопреставления. В Кэсоне, кстати, существовал обычай сажать прорицателя в яму и держать его там до тех пор, пока не совершатся обещанные им перемены. А клеветники несли такую кару, которая могла бы обрушиться на оклеветанного, если бы ему не удалось оправдаться.

Дворцы феодалов, военной и чиновничьей знати воплотили в своей архитектуре как традиционные национальные черты, так и черты китайского зодчества. Входы во дворцы охранялись не только вооруженной стражей, но и изваянными из камня свирепыми мифическими животными. Внутри вели шестистворчатые, окованные медью или серебром дубовые двери.

В те времена жизнь во дворцах Кэсона отличалась чрезмерным богатством, была обставлена невероятной пышностью, полна увеселений и забав. Народ же в стране влачил жалкое существование; издревле плодородная земля была необработана; множество бездомных и нищих умирали прямо на дорогах от болезней, голода и холода.

Самый роскошный из королевских дворцовых ансамблей — Манвольдэ — располагался у подножия горы Сонаксан. Архитектура этого комплекса испытала на себе влияние буддийских монастырских построек, в которых упор делался на внешнюю декоративность. Золотистая или синяя черепица крыш, их поднятые и затейливо загнутые углы, вогнутая коньковая балка, изукрашенные орнаментами стены. Здесь не очень заботились о тщательности полировки гранита фундаментов, заграждений, лестниц, полагая, что сам он говорит за себя величием и суровостью.

Манвольдэ окружала стена с воротами Сынпхён. За ними находились ажурный каменный мостик через ручей и беседка «четырёх совпадений»: весны — с любовью, лета — со справедливостью, осени — с церемониями, зимы — с мудростью. Древние зодчие знали заранее, как будет нарастать изумление у тех, кто посетит этот ансамбль.

В обширном внутреннем дворе разбит парк, который своей умиротворяющей красотой призван успокаивающе действовать на человека. Этот парк с искусственными водоемами, холмиками и гротами, изящными беседками

и лабиринтами дорожек, с клетками, в которых держали редких птиц и зверей, ничего общего не имел с симметричными, стереотипными парками Европы. «Все, что вы видите, достоверно. Все, что слышите, не всегда верно. Полагайтесь же на глаза, доверяйте им больше, чем ушам», — гласила надпись на деревянной пластине в дворцовом парке.

Трехмаршевая лестница вела к главному дворцу — Хвэгён. Внутреннее убранство было довольно строгим по сравнению с той роскошью, которой отличались другие дворцы. Помещения были обставлены одинаковой мебелью из черного и орехового дерева: тяжелые резные столы, кресла, шкафы, инкрустированные перламутром. В центральном зале дворца стоял золоченый трон.

Ван Гону не очень повезло с преемниками. Многие из них пренебрегли его принципами, главный из которых можно было бы выразить приблизительно так: когда ты на вершине успеха, надо быть как никогда предусмотрительным. Новые правители не унаследовали государственной мудрости и трудолюбия, которые были присущи Ван Гону. Правящая элита воспроизводила себя из своих же рядов, не изгоняла ничтожных, требовала, чтобы льстивые речи всегда были преувеличенно громкими. Она предавала забвению имена выдающихся предшественников и приписывала себе их заслуги.

Знать состязалась друг с другом в бессмысленном расточительстве. Ее перегруженные драгоценными камнями одежды поражали великолепием, паланкины расшивались золотом и серебром, украшались перьями редких тропических птиц. Жизнь высшего сословия протекала в праздности и пирах. Один из корейских хронистов того времени отмечал, что они своими низостями напоминали свиней, купающихся в нечистотах.

По своей природе тирания вела к тому, что погибали лучшие из лучших в стране, ее жертвами были как раз те, кто более других был достоин поддержки и восхищения. Жизнь человеческая ни во что не ставилась. Правда, доставалось не только простолюдинам, но и придворным. Короли, боясь заговоров, время от времени обезглавливали высоких сановников. Деспотизм причинял огромный вред государству, до предела ограничивая общественную деятельность каждого человека. Народ жил в ужасающей нищете. Изо дня в день он сталкивался с

Жадными, изворотливыми чиновниками, которые его нещадно обирали.

Государство Корё тратило немало усилий, чтобы отражать набеги внешних врагов. В конце X века ему стали угрожать племена киданей, обитавшие в верховьях реки Ляохэ. Первое вторжение было успешно отбито корёскими войсками — кидани покинули государство, но в начале XI столетия (1010 год) они вновь вторглись на территорию Корё, а в 1011 году ворвались в Кэгён. «Пришельцы были одеты подобно навозным жукам — в панцири... Они напоминали взбесившихся быков», — писал о киданях современник тех событий.

Но и на этот раз кидани задержались в столице ненадолго, хотя и десяти дней хватило на то, чтобы город был разграблен ими дочи́ста. В 1018 году они пришли в третий раз. Они уничтожали все на своем пути, не оставляя ни одного населенного пункта, истребляя поголовно всех мужчин. «В их сердцах не было ни сострадания, ни великодушия, и потому они не знали, что такое доблесть», — писал корейский историк о киданях.

И это нашествие было отражено. Из стотысячного войска остались лишь несколько тысяч. Однако кидани произвели сильные опустошения в государстве Корё. Его ослабили также периодические эпидемии холеры и чумы, роковым образом совпадавшие с засухами или наводнениями. И к концу XI столетия Корё стало заметно ослабевать.

История государства Корё имеет одну очень важную черту: корёсцы никогда не нападали на чужие земли. Они глубоко презирали захватчиков, считая их грубыми и тупыми варварами. Защита родной земли не была делом исключительно военного сословия. Когда над страной начинали сверкать зарницы войны, простые люди Корё проявляли чудеса мужества и героизма, отдавая свои жизни за родину.

Нашествия наносили большой урон хозяйству, в том числе и ремеслу. Одни мастера погибали в сражениях, другие же, особенно кузнецы, высоко ценившиеся за изготавливаемую ими продукцию, угонялись в плен. Стоит ли говорить, что завоеватели не обогатили культуру Корё. Культуру вообще, как известно, не приносят на штыках. И тем не менее, несмотря на все испытания, она успешно развивалась.

В последующие столетия Корейский полуостров подвергался многочисленным нашествиям, каждое из которых оставило свой след. Все пришельцы на свой лад тиранили и обирали народ. И никто не хотел восстанавливать разрушенное. Так было и с Кэсоном. К XX столетию лучшие архитектурные памятники этого города пришли в ветхость или лежали в развалинах.

Когда Ван Гон провозглашал столицей государства Корё свой родной Сонак, он хорошо знал, что этот край благоприятен во всех отношениях. И в самом деле, трудно найти на полуострове более живописное и удобное место.

Богата природа окрестностей Кэсона: поросшие лесами сопки, парки, сады, водопады. Особенно знаменит водопад Пакъен. На сопках поблизости от него сохранились остатки каменной стены, сооруженной примерно тысячу лет назад и сыгравшей немалую роль в обороне от пришлых захватчиков. Ныне это зона отдыха трудящихся Кэсона. Для горожан тут построены клубы, рестораны, закусочные, спортивные комплексы. Из центра сюда ведут троллейбусные маршруты.

Сам город утопает в зелени. В нем, как и в пригороде, много садов и парков. Прежние, создававшиеся по велению королей или по прихоти их наложниц, не сохранились. На их месте шумят теперь новые леса и сады. Невозможно описать красоту молодых яблонь в пене бело-розовых соцветий.

Кэсон был спланирован очень строго. В центре находилась площадь, от нее в направлении четырех сторон света, прямо к воротам городской стены, шли четыре широкие улицы. Вокруг площади размещались государственные учреждения и дворцы знати — от некоторых из них сохранились лишь руины. Около двух сотен жилых построек государство взяло под свой контроль, часть из них была реставрирована. Небезынтересно, что среди этих объектов оказались и построенные из крепкого, тяжелого (тонет в воде) цойгаренского кедра, привозимого из северной части Корейского полуострова, где он произрастал в горах.

Среди сохранившихся старинных сооружений хотелось бы упомянуть Намдэун — Южные ворота, перестроенные последний раз в XIV столетии. Они представляют собой массивную каменную пирамиду с большим арочным проходом посередине и двумя малыми по сторонам. На вершине ворот — небольшая кумирня, служившая в периоды осады города боевой башней.

Кажется, что у этих почерневших от времени ворот как бы проходит грань между прошлым и настоящим. Все здесь говорит о прошлом: и кладка из массивных гранитных плит, и тяжелые створки дверей мореного дуба, и брусья задвижек. Сороки, облюбовавшие это место, своим контрастным оперением еще больше подчеркивают разницу между эпохой той и нынешней.

В прежние времена монахи показывали у ворот мистерии, которые были самым распространенным, по-настоящему массовым народным зрелищем. Возможно, именно с тех пор в театральных представлениях, процессиях, красочных празднествах, всевозможных торжествах корейцы находят неотразимую прелесть. Людей увлекают массовые шествия, они засматриваются на разноцветные флаги, на проплывающие над колоннами макеты машин, кораблей, самолетов, тракторов. Тысячи и тысячи горожан стоят вдоль улиц, любясь множеством знамен, переливающихся в ярком свете солнца, на раскинутые крылья транспарантов, на плакаты, висящие на фасадах зданий. Надо только видеть их лица! Стар и млад с интересом рассматривают процессии, жадно ловят каждое слово.

Любят корейцы театральные представления, организуемые самодельными актерами. При этом безразлично, сколько их участвует — два или более ста. Тексты пьес просты, в них как в зеркале отражается действительность.

В процессе игры «проявляются краски», актер выходит за рамки сценария. Бывает так, что одно представление какой-либо пьесы непохоже на другое, но всех их объединяет одно: в них бережно сохраняются драгоценные крупницы народной культуры.

Ученые КНДР точно установили местоположение архитектурных памятников, от которых сохранились лишь описания. Известно, например, где находились здания Кукчагам (Академии сынов отечества) — высшего учебного заведения в Корё. Там не только обучали детей крупных землевладельцев, высокопоставленных чиновников (преимущественно административному делу), но и проводились экзамены претендентов на государственные должности, а также присваивались ученые звания. Все учебные заведения такого типа в Корее были связаны с Кукчагам нитями преемственности.

Любопытна история Сондугё — моста, воздвигнутого в память об одном известном корейском полководце

XIV-века на месте его гибели. Мост целиком сделан из белого мрамора и стоит уже сотни лет, не нуждаясь в ремонте. Имя этого полководца овеяно легендами, личность его приобрела ореол святости. В центре этого моста-памятника лежит плита редчайшего мрамора с кроваво-красными прожилками. Во время дождя, когда по плите текут потоки воды, кажется, что в них струйки крови. Корейцы говорят: это кровь героя.

Пригород богат могильными памятниками, имеющими вид полушарий. Снизу они выложены гранитными или мраморными плитами с выгравированными на них рисунками восточного календаря. Перед могилами — либо каменные жертвенные сосуды, либо символизирующие вечность, также высеченные из камня черепахи, несущие на спинах увенчанную капитальную стелу.

Простой народ свято хранит свою старину. Так было во все дни его истории, какими бы бурными событиями она ни была отмечена, и сколько бы горя эти события ни приносили людям. Даже когда рухнула система японского колониального господства и народ, стремясь забыть все, что о нем напоминало, стал уничтожать японские пропагандистские щиты и витрины, — даже тогда никто не поднял руки ни на один из памятников старины.

Как уже говорилось выше, война 1950—1953 годов пощадила Кэсон. Город оказался, по сути дела, единственным в республике, не разрушенным захватчиками. Дело в том, что спустя год после начала войны в Кэсоне открылись переговоры о прекращении огня между войсками ООН, с одной стороны, и Народной армией Кореи и китайскими народными добровольцами — с другой. Территория города была объявлена нейтральной зоной.

Два с лишним года газеты во всем мире почти каждый день писали о переговорах в Кэсоне. Огни прожекторов над городом предупреждали летчиков обеих сторон о том, что залетать в нейтральную зону строго запрещено. Именно это спасло Кэсон от участи всех других городов Северной Кореи.

В предместье Кэсона, в восьми километрах от города, в местечке Пханмунджом, где, кстати сказать, не сохранилось ни одного старого сооружения, построены два павильона. Один из них — в корейском национальном стиле. У его входа гранитная глыба со словами: «27 ию-

ля 1953 года здесь было подписано соглашение о перемирии». За столами, покрытыми зеленым сукном, делегации сторон поставили свои подписи под соглашением. В условиях начавшегося с тех пор перемирия, а не мира и до сегодняшнего дня живут две Кореи, развитие которых идет диаметрально противоположными путями.

В этом павильоне сохранены вся мебель, которой пользовались делегации во время переговоров, и другие музейные экспонаты, рассказывающие о том, как США готовили и осуществляли агрессию против Народной Кореи. Здесь хранятся фотографии выжженной земли, городов, превращенных в груды развалин. Спустя несколько лет после войны в Корее мир то же самое увидел во Вьетнаме. Минули годы, многое на земле переменялось, но разбойничий почерк американского империализма остался прежним.

Один из разделов выставки экспонирует документы и вещественные доказательства нарушения условий соглашения о перемирии американско-южнокорейской стороной. На стенде снимки военной техники, в частности ракет, которые Пентагон разместил в Южной Корее в послевоенные годы. Экспозиция свидетельствует о демонстративных передвижениях американских и южнокорейских войск вблизи демаркационной линии, о военных маневрах в прилегающих к ней районах. Есть и фотографии разведывательных кораблей и военных самолетов США, засылавшихся в территориальные воды и в воздушное пространство Северной Кореи. На стендах представлено оружие и снаряжение задержанных шпионов и диверсантов.

Рассеченная пополам страна. Унылой, мертвой полосой проходит демаркационная зона через полуостров от устья реки Ханган, на которой расположен Сеул, до села Пховеджин провинции Канвон. Она состоит из разграничительной линии (двести двадцать километров) с расставленными на ней 1292 белыми столбами и двухкилометровой ширины полос по обеим ее сторонам. Сама зона и особенно подступы к ней начинены минами, утыканы противотанковыми надолбами, опутаны колючей проволокой. Прилегающие участки оборудованы электронными средствами обнаружения, всевозможной сигнализацией и тому подобным. С южной стороны демаркационной зоны сооружена сплошная железобетонная стена высотой пять метров и шириной (по основанию) десять метров. А еще дальше на юг идут глубокие укры-

тия для пехоты, ракетные и артиллерийские позиции, военные аэродромы, склады боеприпасов и оружия, ядерных боезарядов, хранилища пластиковых гробов. Все это разрезало надвое живое тело Кореи, пройдя, как говорят корейцы, по самому ее сердцу.

Скорее библейский верблюд завершит эксперимент по прохождению через игольное ушко, чем кто-либо преодолевает эту мертвую зону. Ни люди, в том числе и вездесущие агенты, ни товары, ни письма этого сделать не в состоянии. Все связи сторон ведутся через «оазис сосуществования» — так называемую зону совместной охраны в Пханмунджоме. Это квадрат со стороны восемьсот метров, который разграничительная линия делит пополам. В центре квадрата неказистая грубая постройка барачного типа, предназначенная для заседаний военной комиссии по перемирию и комиссии нейтральных стран по наблюдению за перемирием. Большой стол поставлен так, что одна его сторона находится южнее разграничительной линии, а другая — севернее. На северной стороне — флаг КНДР, на южной — флаг ООН, которым по-прежнему прикрываются расквартированные в Южной Корее американские войска.

В трагедии разделенной Кореи, в военном противостоянии ее южной и северной частей, нанесшем ущерб национальному хозяйству (богатый недрами промышленный Север вынужден отвоевывать земли у моря, а Юг с развитым сельским хозяйством испытывает недостаток в сырье для промышленности), повинны Соединенные Штаты. Введя свои войска в Южную Корею уже после того, как Советская Армия разгромила отборные силы японской военщины, Вашингтон сорвал выполнение союзнических соглашений о содействии подготовке и созданию в Корее независимого демократического государства. Американские правители раскололи страну, навязали Югу клику реакционеров, а Северу — войну. Несмотря на перемирие, они держат на территории Южной Кореи лучшие соединения своей армии. В их распоряжении разнообразные средства массового уничтожения. Вместе с тем США планируют разместить там нейтронное оружие и ракеты средней дальности.

Пентагон создал в Южной Корее хорошо оборудованный в военно-инженерном отношении плацдарм для размещения своих войск. Кроме того, Южная Корея имеет значительную сухопутную армию, обученную по американскому образцу и вооруженную американским ору-

жием. Южная Корея стала военно-стратегическим плацдармом США в Восточной Азии, а армия сеульского режима используется и для подавления демократических сил у себя на родине.

Войска из-за океана уже давно должны были покинуть корейскую землю. Это предусматривалось соглашением о перемирии. Одна из его статей предписывала в трехмесячный срок созвать конференцию для решения проблемы вывода всех иностранных войск и мирного урегулирования корейского вопроса. Но это и поныне не осуществлено. Если вначале на территории Южной Кореи они находились под видом так называемых войск ООН, то с 1978 года пребывают там в качестве «союзных» на основе договора об обороне 1953 года между США и Южной Кореей. США хотят и дальше господствовать в Южной Корее. В этом главная причина того, что страна до сих пор расколота, что грубо игнорируются предложения КНДР об объединении страны мирным и демократическим путем, силами самих корейцев.

Покинув Пханмунджом, еще долго не расстаешься с мыслью о том, в каких сложных условиях постоянной опасности внезапных вооруженных провокаций и угрозы войны приходится жить и работать населению Народной Кореи.

В Кэсоне я бывал много раз. Мне нравятся его жители, добродушные, щедрые и трудолюбивые. Особенно впечатляла строгость кэсонцев в семейной жизни, размеренной, подчиненной твердым правилам. В Кэсон меня влекли, конечно же, и красота монументальных старых построек, дыхание старины.

Каждый квадратный метр земли здесь имеет свою историю. В Кэсоне, как уже отмечалось, жилых домов, возраст которых исчисляется сотнями лет, не слишком много. Когда внимательно присматриваешься к ним, то начинаешь понимать, что именно жители взяли у старого дома и использовали при строительстве современного жилища. Прежде всего крышу, которая, как бы низко ни спускалась, всегда смотрит в небо своими приподнятыми углами, вызывая чувство уюта. В дом попадаешь через решетчатую дверь и довольно высокий порог. Перед входной дверью ставился кирпичный или каменный оштукатуренный экран. Считалось, что он преграждает доступ в жилище злым духам, которые могут ходить толь-

ко по прямой. Вторая дверь, закрепленная на той же раме, что и первая, двигается вдоль стены наподобие двери в купе железнодорожного вагона. Пользуются второй дверью только в холодное время года.

Дом делится на две части — хозяйственную и жилую. Первая, как правило, заглублена: туда от порога ведут вниз несколько ступенек. Там держат кур, хранятся съестные припасы: в больших керамических чанах квашенные овощи, на стенах развешаны связки перца, чеснока, лука, разных трав, используемых в качестве приправ в корейской кухне.

Здесь невозможно удержаться от того, чтобы не сказать несколько слов о приправах и специях, без которых корейцы не обходятся и дня. А для приготовления некоторых блюд требуется не один десяток корней и трав. Так, при квашении капусты-салата (кимчи), одного из шедевров корейской кухни, кладут около сорока различных специй. Наиболее употребителен в качестве приправы горький перец. Корейцы говорят, что пища без перца — это не пища, от нее прокисает кровь. За перцем следуют уксус, лук, чеснок, имбирь, укроп, гвоздика, кунжутное масло, ядра косточек абрикоса, семечки арбуза и дыни, семена, листья и корни лотоса и еще сотня приправ и специй, причем добрая половина их употребляется в пищу постоянно. Но самая главная приправа — это, пожалуй, соя, очень острый соус, основным сырьем для изготовления которого служат соевые бобы. Без нее не обходится ни одна семья. В пору продовольственных трудностей соя входила в число нормированных продуктов наряду с рисом, рыбой, жирами.

Когда-то в хозяйственной части дома хранились дрова или хворост для отопления, теперь туда складывают угольные брикеты. Небольшие жилые постройки отапливаются, как правило, каменным углем, который расходуется очень экономно. Его не употребляют в обычном виде, то есть кусками, а делают брикеты. Для этого уголь размалывают в порошок, насыпают в корыто, добавляют туда глину и известь. Потом всю массу поливают водой, хорошо перемешивая. Образовавшееся тесто выкладывают в формы со штырями, создающими в брикете сквозные отверстия. Готовую продукцию просушивают, расставляя прямо на асфальте тротуаров и дорог, во дворах. Высушенные брикеты имеют круглую форму в диаметре сантиметров тридцать и высотой — десять. Благодаря множеству отверстий они хорошо, долго го-

рят. Это главный вид топлива у жителей тех городов и селений, где пока еще нет парового или водяного отопления.

Жилая часть дома отделена от хозяйственной перегородкой и возвышается на 60—80 сантиметров. Под ней находится сеть дымоходов, которые являются частью всей отопительной системы — ондоли. Она начинается от печи, расположенной в хозяйственной части. В печь вделан котел, в котором готовится пища. Впервые попавшие в такой дом удивляются, как это хозяйки обходятся без плиты? Оказывается, котел с успехом ее заменяет. Вогнутое дно котла разогревают, стенки смазывают жиром и на них, как на сковороде, пекут блины. Если налить немного воды и положить деревянную решетку, то можно готовить булочки из теста, а также рис и другую еду. Приготовленная на пару пища во много раз лучше, чем сваренная. Разумеется, котел можно использовать и как обычную кастрюлю.

Дымоходы, обложенные каменными плитками, в виде большой спирали проходят под жилой частью дома, обогревая ее пол, и выходят в культтук, трубу, которая расположена в полутора-двух метрах от дома на каменном или кирпичном постаменте. Через нее дым выходит наружу. Такая система отопления очень удобна. Приходя после работы домой в холодное время года, человек быстро согревается, восстанавливая не только силы, но и тепловой баланс организма.

Нагретые полы устланы толстыми циновками, на которые хозяйка стелит постели. Мебель очень проста: переносные столики высотой 30—40 сантиметров и длиной 70—80 сантиметров, сундуки для одежды и полки для посуды. Обувь всегда оставляется в хозяйственной части дома, и на циновки ступают только в носках.

Особенно много заимствуется из конструкций старых домов при строительстве деревенского жилища. Однако ондоль широко используется и в современных городских квартирах. Конечно, она претерпела изменения. Теперь в одной из комнат городской квартиры делается приподнятый пол. Его покрывают плотными и всегда очень чистыми циновками. Под полом уже не дымоходы, а трубы парового отопления.

Как бы ни было интересно старое, в сегодняшнем Кэсоне больше нового. А новая жизнь требует быстрее решения жилищной и градостроительной проблем. Добиться этого теперь можно лишь путем осуществле-

ния проектов строительства типовых домов. Новые постройки действительно походят друг на друга, но эта однотипность искусно скрадывается планировкой. Кроме того, целые кварталы отличаются друг от друга окраской, размещением общественных зданий, среди которых есть настоящие произведения современного строительного искусства КНДР, например Дворец пионеров.

Несмотря на то что в Кэсоне возводят много домов, потребность быстро растущего города в жилье пока что не удовлетворена. Часть кэсонцев продолжает жить в постройках той части города, где тесные дворы, узкие улочки и переулки. Мне хотелось посмотреть именно этот Кэсон с его старыми жилыми строениями.

Лучше всего это сделать через уличный комитет, советовали корейские друзья. Такие комитеты в Кэсоне — центры жизни горожан. Они решают многие важные проблемы, возникающие у кэсонцев в их повседневной жизни. В одном из старых районов я встретился с членами обычного, ничем особенного не примечательного уличного комитета. Возглавляла его домохозяйка Ли Мёнок, энергичная, волевая женщина. Искать ее дом в лабиринте проходов и тупиков пришлось долго, и, в какой бы дом я ни заходил, везде говорили о ней с гордостью и теплотой. Не было сомнения: она здесь человек известный и весьма уважаемый.

В конце концов я нашел кого искал, оказавшись в небольшом дворе, где вкусно пахло спелыми яблоками, вяленой рыбой и специями. Прямо во двор выходила дверь комнаты, служившей конторой уличного комитета и местом для совещаний. Как только я пришел, двор стал наполняться людьми: всем было любопытно узнать, зачем пожаловал гость. Здесь были представители нескольких поколений: молодая мать с грудным младенцем; дети всех возрастов, начиная от совсем крохотных, которых носят на спинах их сестры, и кончая школьниками старших классов, и, наконец, такие дряхлые старики и старухи, которым трудно было сразу разобратся в том, что происходит. Веселое оживление и искренний смех говорили о непосредственности и жизнерадостности собравшихся.

Ли Мёнок пригласила меня в комнату, в которой уже сидел один из членов уличного комитета — худой, высокий старик. Помещение это было отведено специально для работы комитета; расположившись, мы не мешкая приступили к делу. Ли начала рассказывать о комитете,

а попутно и кое-что о своей жизни. Мне часто приходилось выслушивать рассказы о жизни простых людей Кореи. У всех было немало общего, а порой их судьбы во многом были сходны. Начинались они с войны 1950—1953 годов. Кто говорил о ней как участник, у кого остались лишь детские впечатления, а кто знал эту войну понаслышке. Она неизменно была рубежом жизни каждого корейца. Ли Мёнок не составляла исключения. К ее истории можно добавить только то, что она родилась в деревне и смутно помнит о жизни в земляном убежище. Впрочем, Ли больше говорила не о себе, а о работе. (В Корею расспрашивать о семье не принято и, как мне всегда казалось, считается некорректным.)

— На первых порах у нас не было опыта,—говорила Ли,—но мы знали, чего хотят жители квартала, и помогали им добиваться этого. Начинать пришлось с расчистки дворов от мусора и грязи. Когда-то рядом с нашими домами была свалка. Днем мы страдали от мух, а ночью — от комаров.

Ли не могла усидеть на месте, все ходила взад и вперед по комнате.

— Мы расчистили свалку, разбили там клумбы и теперь разводим цветы,—продолжала она. — Их начали выращивать в каждом дворе. Это стало увлечением.

Я представил себе, сколько труда вложили эти люди, чтобы навести хоть какой-то порядок на старой городской окраине, до которой прежде не было дела ни корейским правителям, ни сменившим их японским колонизаторам. Затем уличный комитет взялся за решение других, более сложных задач. Об этом рассказал Чин Инбом — так звали другого члена комитета, который, пока говорила Ли, не проронил ни слова, а только в знак согласия кивал головой. Я с интересом слушал рассказ этого пожилого, много повидавшего на своем веку человека.

— Еще недавно, — говорил он, — наши хозяйки сидели с детьми по домам и, конечно же, ссорились, сплетничали, завидовали друг другу. Само собой как-то сложилось убеждение, что они заняты своим хозяйством и работать на производстве не смогут. Однако по опыту двух уличных комитетов мы решили привлечь домохозяек к общественному труду. Для этого пришлось создать производственные организации, а также группы службы быта.

Чин Инбом, лицо которого во время разговора не

отражало, как у Ли Мёнок, всех владевших им чувств, после короткого раздумья продолжал:

— В нашем распоряжении были только одна комната и небольшой коридор, в которых мы разместили мастерскую, где шили матерчатую обувь и теплые чулки на вате. В первый месяц никто из женщин не получил ни одного вона: заработанного хватило лишь на оплату арендованных швейных машин, материала да ниток. Но за второй месяц работы уже смогли выплатить каждой сумму, равную трети месячной зарплаты работниц швейной фабрики. В тот день радовались все, даже те мужья, которые не хотели отпускать своих жен в мастерскую. Теперь у нас есть группа женщин, научившихся хорошо шить, и они выполняют заказы швейной мастерской. Еще одна производственная группа изготавливает крем для кожаной обуви. Там заняты не только женщины, но и мужчины — инвалиды, старики.

К обстоятельному рассказу Чин Инбома, ответственного за производственную работу, не смогла ничего добавить даже Ли. Но у нее нашлось кое-что другое.

— Мы создали пункт бытового обслуживания,— сказала она. — Там занято десятка полтора домохозяек. Они стирают белье одиноким старикам или больным домохозяйкам, делают для них покупки, а также выполняют различные работы по просьбе женщин, занятых в производственных группах.

Оба руководителя уличного комитета подчеркивали не только экономические выгоды развернутого дела, но и большое политическое значение проводимой силами домохозяек работы. Это, по их убеждению, хорошая форма духовного преобразования людей. В общественном труде, считали они, проявляется каждая отдельная личность, коллектив поддерживает человека, попавшего в беду, сохраняя все, что необходимо для его независимой личной жизни. В то же время коллектив не остается равнодушным к тем, кто совершает неблагоприятные поступки. В работе с ними уличный комитет не допускает грубости, действует тактично, но вместе с тем и решительно.

Ли Мёнок рассказала еще о многих сторонах деятельности комитета: о мероприятиях по воспитанию детей, о вечерней школе для домохозяек, о содействии торговым организациям, осуществляющим снабжение жителей продовольствием, одеждой, топливом, о помощи народной милиции в деле учета населения.

Я любовался этой женщиной, которую, должно быть, никогда не покидало хорошее настроение, и думал о больших организаторских способностях простых корейцев. При народной власти их энергия, инициатива, трудолюбие нашли свое применение. Безвестные домохозяйки одного из кварталов Кэсона победили антисанитарию, они стараются занять жителей полезным общественным трудом, чтобы между соседями и в семьях не было ссор. На первый взгляд может показаться, что они решают лишь узкие, локальные проблемы. Вероятно, это и так, но в процессе их решения идет важная работа по перевоспитанию человека, формированию новых, социалистических отношений между людьми.

Сейчас Кэсон — большой, оживленный город. Днем на его улицах шумно, грохочет транспорт, движется людской поток. К одиннадцати вечера все стихает, гаснут огни, пустеют улицы, а в шесть утра они вновь наполняются людьми. До 1945 года в Кэсоне было всего две школы да одна частная больница. Сейчас тут около ста пятидесяти учебных заведений, в том числе четыре высших.

Кэсонцы построили замечательный современный Дом культуры. В нем всегда многолюдно. Его залы светлы и просторны, стены увешаны картинами, фотографиями, лозунгами. Корейцы никогда не проходят мимо лозунга, не остановившись и не прочитав его от начала до конца.

Во время моего пребывания в Кэсоне в Доме культуры экспонировались две выставки: одна — фарфора и керамики, другая — картин местных художников. Это, конечно, большое событие в жизни кэсонцев. Выставки как бы разделяли прошлое и настоящее и в то же время говорили о связи времен. Восхищаясь древним искусством, корейцы отдают себе отчет в том, что, как бы совершенно это искусство ни было, оно не может служить оправданием правящему классу и иностранным работодателям, веками державшим народ в рабстве и отсталости. У новой Кореи новая жизнь, новая культура и искусство, которые принадлежат народу.

Надпись над входом в первый зал гласит: «Четыре миллиона семей республики хотят иметь фарфоровую посуду и хорошие украшения для своих жилищ». Поражала не столько необычность всевозможных видов посуды (а тут были представлены традиционные корейские и современные европейские образцы), сколько многоцветная гамма оттенков, разнообразие орнаментов, в

которых преобладали растительные и животные мотивы, заимствованные из самой жизни. Особенно впечатляли чайные сервизы с черепком тоньше яичной скорлупы, покрытым глазурью легких, пастельных тонов, а также наборы мелких и глубоких блюд и пиал, которыми корейцы пользуются в повседневной жизни.

В этом зале можно было увидеть и изделия кэсонских фарфоровых предприятий для электротехнической промышленности. Но внимание посетителей больше всего привлекали покрытая разноцветной глазурью черепица и архитектурные фарфоровые детали для украшения общественных зданий: крылатые кони, драконы, дикие звери. Ими отделяются не столько стены, сколько крыши, на углах которых и на коньках часто ставятся эти оригинальные фигурки. И черепица, и глазурованные детали выполнены в желтом, синем, зеленом тонах со множеством оттенков. Реже встречаются фиолетовые, красные, черные и белые цвета.

Следующий зал отведен под художественные изделия из фарфора, фаянса и других видов керамики, которыми страна славилась еще в X столетии. В Кэсоне этим делом заняты десятки талантливых мастеров. Сегодня можно определенно утверждать, что и они, и мастера другого центра этого изысканного искусства КНДР — Кёнсона — не только возродили былую славу корейского фарфора, но и преумножили ее.

Прекрасны вазы — и те, что высотой всего пять сантиметров, и огромные, до двух с половиной метров, покрытые рельефами и голубой глазурью нежнейших тонов. Больше всего здесь традиционных корейских ваз, которые можно назвать двухстенными. Это часто высокие, по форме круглые или многогранные вазы, которые как бы расположены внутри затейливой орнаментальной решетки того же цвета. Очень хороши темно-синие, почти черные вазы. Верхние их края вывернуты так, что видна внутренняя белоснежная поверхность. Корейская белая глазурь имеет очень высокую оценку по общепринятой в фарфоровом производстве шкале белизны. Только два цвета, но какой эффект производит их контрастность! Ваза «Солдаты пришли помогать крестьянам» запомнилась выразительностью сцены, изображенной на ее белой поверхности. Хорош недавно восстановленный цвет (секрет его изготовления был утрачен лет сто пятьдесят назад) — коричнево-черный в углублениях изделий и постепенно переходящий в золотой на выступах. Все

сделано так искусно, что создается впечатление, будто чернота стерлась за долгие годы, обнажив скрытое под нею золото.

С большим вкусом выполнены декоративные блюда со смешанной подглазурованной и надглазурованной росписью. Их можно вешать на стену и устанавливать на специальных подставках. Они раскрашены в разные цвета, но преобладают два — «красного перца» и «настоящий желтый». Подлинным шедевром была фарфоровая тарелка в виде тонкой бамбуковой плетенки. Особенно приковывала взгляд белая хризантема, как бы небрежно брошенная на зеленовато-желтое дно тарелки. Со своими тонкими, прозрачными лепестками она казалась такой живой и свежей, что создавалось впечатление, будто кто-то забыл ее минуты две назад и вот-вот вернется, чтобы забрать.

Остались в памяти фарфоровые картины в рамках темно-коричневого дерева, а также настольные лампы. Одна из них, с подставкой в виде обвитого голубыми цветами ствола дерева, особенно хороша. На сучьях сидят три серо-черные с желтыми клювами птицы. Видно каждое перышко на спинках, крыльях и на задорно поднятых хвостиках. Мастер знал, что залог красоты изделия — в гармонии, соразмерности, естественности изображаемых деталей.

Нельзя не упомянуть о кэсонских гончарах, мастерах керамики, изделия которых представлены в этом же зале. Глядя на правдивые фигурки людей, животных, на жанровые сценки, на домики и другие строения, на копии корейских памятников, поражаешься незаурядному таланту их творцов. Несомненно, на большей части изделий лежит отпечаток влияния древнего искусства. Установившиеся старые формы, отработанные тысячелетиями детали, традиционный декор.

Третий зал посвящен живописи. Все, кто посещал выставки корейских художников и в столице и в провинции, непременно отметят перемены, происшедшие в этом виде искусства. Появляется много произведений, написанных не тушью, а маслом, немало акварели и пастели. Сюжеты все больше новые: социалистическое строительство, человек, завоевавший право на счастье. Повседневный труд, новый быт, новые взаимоотношения стали источником вдохновения художников. Такие работы есть и в кэсонском Доме культуры. Здесь на полотнах предстали перед нами бесстрашные в боях вои-

ны, упорные в труде рабочие и крестьяне, простые труженики, которым присущи здравый смысл и уравновешенность, энтузиазм и простота, то есть качества строящих социализм людей. Поэтому картины волнуют не только самих корейцев, но и их друзей из Советского Союза и других братских стран.

Однако это вовсе не означает, что художники пренебрегают традициями. Они учатся у старых мастеров, им также близка тема природы: на выставке широко представлены пейзажи. В этом отражается не только привязанность корейцев к природе родной страны, но и вообще их отношение к прекрасному. Вспоминаю один осенний пейзаж. Казалось бы, осень — это пора увядания, щемящей тоски. Но картина вызвала ощущение радости от щедрот этого времени года. Иногда изображаемый пейзаж отличался от реального, вероятно, художник шел на это сознательно.

Передача настроения человека, его мыслей и чувств посредством картин природы в Корее традиционна и доведена до совершенства. Горы, леса, поляны, невозмутимая гладь вод или бурные потоки, цветы и птицы, отдельные деревья, особенно корейская сосна с ее длинными иглами, бамбук с густо-желтыми или ярко-зелеными стеблями, с острыми продолговатыми листьями — во всем этом может отразиться душа человека, его внутренние качества, его радости, горести, мечты.

— Посмотрите на этого аиста, — говорит кэсонский художник, показывая на картину. — Он отбился от стаи и одиноко возвращается в теплые края. А может, потерял подругу? Видите этот блеклый цветок, лепестки которого развеивает ветер? Неужели он не говорит вам о грустной поре старения, о закате жизни? Или взгляните на подсолнечник — как он тянется к солнцу, к жизни. Однако кэсонским художникам чуждо простое копирование, они ценят полет фантазии, смелой мысли и в то же время не отрываются от действительности. Если хочешь сказать людям что-то значительное, стоящее, говори правду, но и не бойся возвышенного. Бесстрастность, умеренность — это не признак одаренности, а чаще всего пассивность и лень души. Если хочешь, чтобы тебя поняли, найди самый простой и вместе с тем остро-драматический способ выражения.

На выставку идут люди — мужчины и женщины, старики и молодежь, идут как на праздник, с интересом все рассматривают, обсуждают. (Кстати, кэсонцы очень

любят поговорить о политике, о спорте, об искусстве.) Выставка напоминает им, что человек — это творец, она пробуждает чувство созидания, стремление самим творить. Надо ли доказывать, какое большое значение имеют выставки для жителей Народной Кореи? Ведь прежде во всей стране, да и сейчас в южной ее части, художественные выставки недоступны широким трудящимся массам. Их посещают интеллигенция и обеспеченные горожане. В КНДР массы приобщаются к красоте, к искусству, становятся его подлинными ценителями.

Я бы не смог до конца понять Кэсона, своеобразие его духовной жизни, если бы не провел несколько часов в Доме культуры, где мне посчастливилось слушать голос народа, говорящего языком национального искусства.

Однако оставим Дом культуры и корейское искусство и познакомимся с некоторыми сторонами хозяйственной деятельности Кэсона.

До освобождения в этом городе были только три небольшие фабрики. На них работало несколько десятков человек. Самая крупная из них — фабрика резиновой обуви, изготавливавшая до пятидесяти тысяч пар простых изделий в год. Сейчас на ее месте новое предприятие, производящее более миллиона пар.

Впрочем, не оно определяет промышленное лицо Кэсона. Здесь примерно восемьдесят промышленных предприятий, выпускающих более семисот видов продукции. Город — один из центров машиностроения, которое быстро развивается в КНДР. Невозможно перечислить даже главные виды машин и оборудования, выпускаемых республикой, и Кэсон в этом играет не последнюю роль.

Новая Корея производит грузовые автомобили грузоподъемностью от двух с половиной до двадцати пяти тонн, тракторы — от малогабаритных для обработки полей на узких горных террасах до мощных гусеничных, экскаваторы с ковшем емкостью до десяти кубометров, буровые машины, тепловозы и электровозы, вагоны, крупные сверлильные, карусельные, токарные, зуборезные станки, электродвигатели, трансформаторы, океанские суда водоизмещением до пятидесяти тысяч тонн, комплексное оборудование для электростанций, цементных заводов, текстильных фабрик, химических предприятий. Вместе с тем корейское машиностроение

производит велосипеды, швейные машины, холодильники, телевизоры, стиральные машины и многое другое, без чего немыслима жизнь современного человека. Крупные ремонтные мастерские, текстильные фабрики, которые за год выпускают тканей больше, чем до освобождения за такое же время производила вся Корея, фарфоровые заводы, фармацевтические предприятия, среди которых всемирно известные своими препаратами из инсама — корейского женьшеня, — вот далеко не полный перечень заводов и фабрик города.

Большую роль в развитии Кэсона сыграл Советский Союз. Этот город, как и вся КНДР, широко использует опыт хозяйственного и культурного строительства нашей страны. В Кэсоне создано отделение Общества корейско-советской дружбы. Хотелось бы остановиться подробнее на характере отношений между двумя братскими странами и народами.

Во многих городах КНДР, везде, где приходилось бывать, на заводах и стройках я наблюдал большой трудовой подъем, даже, сказал бы, вдохновение, с которым трудящиеся решали свои нелегкие проблемы. Все свидетельствовало о порыве, охватившем республику, об энтузиазме масс. А в сердце росло чувство гордости за свою страну: ведь в успехах молодой Кореи есть заслуга тысяч советских людей — рабочих, инженеров, ученых, которые создают для нее сложнейшие машины, отдают силы, знания, опыт братскому народу.

Советская Армия принесла свободу людям, страдавшим под жестоким японским гнетом. О том, как благодарны корейцы за этот великий подвиг, свидетельствует монумент Хэбантхаб на Моранбоне (Горе пионов) в самом центре Пхеньяна. Бронзовая надпись на светло-сером мраморе гласит по-корейски и по-русски: «Вечная слава великой Советской Армии, освободившей корейский народ от ига японских колонизаторов и открывшей ему путь к счастью и независимости». В Синыйджу, Чхонджине и других городах стоят памятники советским воинам, павшим в боях за свободу Кореи. Это подлинные символы братства между двумя народами.

Сразу же после освобождения Северной Кореи советское военное командование создало для населения все условия, чтобы оно могло строить новую жизнь в соответствии со своими желаниями и интересами. Советские военные органы оказали содействие в работе организованных по инициативе масс народных комитетов. Дви-

жимая чувствами дружбы и глубокой симпатии к корейскому народу, наша страна, несмотря на большие трудности послевоенного периода, оказала ему всестороннюю помощь в восстановлении предприятий, повышении уровня жизни, возрождении культуры, подготовке кадров.

Корейский народ как никто другой познал силу интернационализма. Когда началась война на полуострове, Советский Союз немедленно встал на сторону Народной Кореи, оказав ей необходимую военную, экономическую, политическую и моральную помощь. Он решительно выступил против попыток изолировать КНДР на международной арене и прикрыть флагом ООН военную интервенцию.

В минувшие годы плодотворно развивались торговые отношения между нашими странами. Непрерывно рос товарооборот, достигнув в 1982 году 681 миллиона рублей. Поставки из Советского Союза были самыми разнообразными, однако с преобладанием изделий промышленности. Их список очень велик. Он включает в себя мощные турбины и генераторы для электростанций, комплексное оборудование предприятий, компрессорные и бурильные установки, проходческие и добывающие комбайны для угольных шахт. Корея, в свою очередь, снабжает нашу промышленность концентратами некоторых цветных металлов, магнезитом, аммиачной селитрой с хыннамских предприятий, цементом с Мадонского завода, эмалированными проводами, автомобильными аккумуляторами, микроэлектродвигателями с пхеньянских фабрик и комбинатов.

Новая Корея создала крупные промышленные предприятия. Сооружать их помогали специалисты из Советского Союза и других социалистических стран. Свыше 60 заводов, комбинатов, электростанций построено при участии СССР. Индустриальной базой республики стали Пукчханская тепловая электростанция мощностью 1600 тысяч киловатт, Чхонджинский металлургический завод имени Ким Чхэка, Пхеньянский текстильный комбинат, Хыннамский комбинат минеральных удобрений и другие предприятия, в строительстве или реконструкции которых участвовали советские люди и промышленные предприятия всех наших пятнадцати республик.

О братском, социалистическом характере советско-корейских отношений говорят такие цифры. Только крупные промышленные предприятия, восстановленные и построенные в послевоенный период при содействии СССР,

дают 63 процента всей производимой в республике электроэнергии, 33 процента стали, 11 процентов чугуна, 38 процентов проката черных металлов, 50 процентов нефтепродуктов, 42 процента железной руды.

И ныне наша страна оказывает техническое содействие в решении ряда важнейших проблем экономики, в том числе в создании надежной энергетической базы, расширении производственных мощностей металлургии, угольной и химической промышленности. Братские руки дружбы корейцы всегда хорошо чувствовали. Тепло этих рук согревает их и сейчас. Проходят десятилетия, но ничто не колеблет доверия и уважения к нашей стране трудящихся КНДР.

Дружба, взаимное сотрудничество молодой Кореи с Советским Союзом и другими братскими странами дают прекрасные результаты. Они ускоряют великое дело преобразования народной жизни на социалистических началах. КНДР вышла на широкую дорогу мировой истории, стала индустриально развитым государством. Это результат не только упорных усилий корейских рабочих и крестьян, руководимых Трудовой партией Кореи, но и сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами. «Советский народ — освободитель и самый близкий друг нашего народа, — сказал Генеральный секретарь ЦК ТПК, президент КНДР Ким Ир Сен. — Каждый раз, когда наш народ сталкивается с трудностями и испытаниями в борьбе в защиту свободы и независимости родины и за строительство новой жизни, советский народ протягивал нам теплую руку помощи и вдохновлял нас в борьбе. Советский Союз активно поддерживает наш народ в борьбе за мирное объединение родины и продолжает оказывать помощь в строительстве социализма в нашей стране. Дружба и сплоченность народов Кореи и Советского Союза, крепко завязанные в огне битв за освобождение нашей страны, упроченные и развитые на общем пути, указанном великим Лениным, незыблемы, нерушимы и вечны»*.

Однако вернемся к Кэсону. Как отмечалось, это один из немногих городов, где сохранилась старина. Как же все-таки относятся к ней горожане? Может быть, строительство типовых жилищ и целых кварталов привело к тому, что интерес населения к творениям далеких пред-

* Ким Ир Сен. Отчетный доклад ЦК ТПК IV съезду партии. — Избранные произведения. Т. 3. Пхеньян, 1971, с. 211—212.

ков ослаб? Скорее наоборот. Сейчас внимание корейцев к древним постройкам возросло как никогда, усилилась и забота о них.

— Если вы ждете критики в адрес старых строений,—сказал мне как-то бригадир кэсонских строителей, герой труда Ли Кымсон,—то можете не продолжать беседу. Я не стану их ругать. Я каждый раз с радостью и восторгом люблюсь ими.

Мне казалось, я понял, что он хотел выразить: то, что народ создал когда-то своим усердным трудом и талантом, нынешнее поколение должно бережно хранить, развивать и совершенствовать.

Вместе с тем бригадир подчеркнул, что Кэсон сейчас совершенно непохож на прежний. Он отличается от старого так же, как отличается здоровый человек от больного. Изменились и уклад жизни населения, и весь облик города, который определяется теперь наличием современных промышленных предприятий, заводских труб, линий электропередачи, крупных жилых домов. Обеспечение квартирами трудящихся горожан — одна из основных задач строительства. Но основная — это создание промышленного комплекса.

— Что скрывать,—говорил Ли Кымсон,—многое печалит любителей старины. Но разве можно жить только стариной?

— Да, я сожалею,—сказал мне бывший рабочий, а ныне директор текстильной фабрики,—что исчезает кэсонское ручное производство тканей, очень хороших, каких машинам не сделать. Но ведь ручной труд — это олицетворение бедности. Его должны заменить машины. Нет другого пути покончить с нуждой, необеспеченностью.

Кэсонцы работают много и успешно. Они знают, что ни в одной области человеческого труда нельзя чего-нибудь добиться без максимального напряжения сил, физических и духовных.

— Мы не можем теперь работать плохо. Ведь в нашем городе люди никогда не жили так хорошо, как сейчас, никогда так ясно не видели результатов своего труда,—говорила работница часового завода, скорее рассуждая сама с собой, чем обращаясь ко мне.

А потом с гордостью добавила:

— У нас здесь больше тех, кто самоотверженно трудится, и совсем мало желающих стоять в стороне.

Перемены, происшедшие в рабочем классе Северной

Кореи за годы народной власти, грандиозны. Во времена японского господства рабочий человек был полностью беззащитен перед сложившейся системой, понижен до простого орудия. Колонизаторам было на руку невежество и отсталость рабочих. Им не нужны были грамотные, равно как и люди с чувством собственного достоинства, гражданской ответственности. Требовалось лишь слепое повиновение. Они презирали корейских рабочих, обреченных на экономическое и духовное рабство. Конечно, были среди рабочих и такие, кто стремился к независимости.

Спустя пять-шесть лет после того, как прогнали японцев, это были уже другие люди. Раскрылись их замечательные природные качества. Спокойная мудрость стариков достойно сочеталась с горячим порывом и энтузиазмом молодежи. Никакой приниженности, безответственности прошлых лет. Рабочие стали опорой Народной армии Кореи, ее славой и доблестью. Из их среды вышла плеяда выдающихся героев войны. Это были личности, основными чертами которых стали сдержанность, стремление не высказывать, а тем более не преувеличивать свои чувства, презрение к боли, неустранимость, стойкость даже перед лицом самых тяжелых потерь.

До освобождения в Кэсоне было менее сотни рабочих. Теперь их десятки тысяч. Ими стали бывшие земледельцы из горных долин и плодородных дельт центральной части полуострова. Они освоили технику и воспитали дисциплину труда, без которой невозможно современное промышленное производство. В этом городе на каждом шагу видишь, как выросли люди, как поднялась их общественная активность. Они прошли через тяжкие испытания, радовались победам и познали горечь неудач — им теперь знакомо все то, что делает жизнь по-настоящему захватывающей, достойной своего назначения. В рабочем классе коренится подлинная сила новой Кореи.

Кэсонские впечатления настраивали на раздумья. Свобода породила энергию, а она, в свою очередь, преобразила не только город, его улицы, предместья, но и самих людей. Семьи трудящихся, отцы и деды которых жили впроголодь, теперь могут позволить себе не только хорошо питаться, но и иметь много необходимых вещей: часы, велосипеды, холодильники, телевизоры и тому подобное. К таким фактам не нужны комментарии. Люди верят в мирное и счастливое будущее.

От железнодорожной станции и строек, с городских улиц доносятся грохот поездов и самосвалов, автомобильные сигналы, людской говор и смех. Кэсон живет и трудится, он никогда не знал таких высоких темпов строительства. Его жители, бережно сохраняя творения своих предков, думают о дальнейшем развитии города и о его важном месте в жизни социалистической родины.

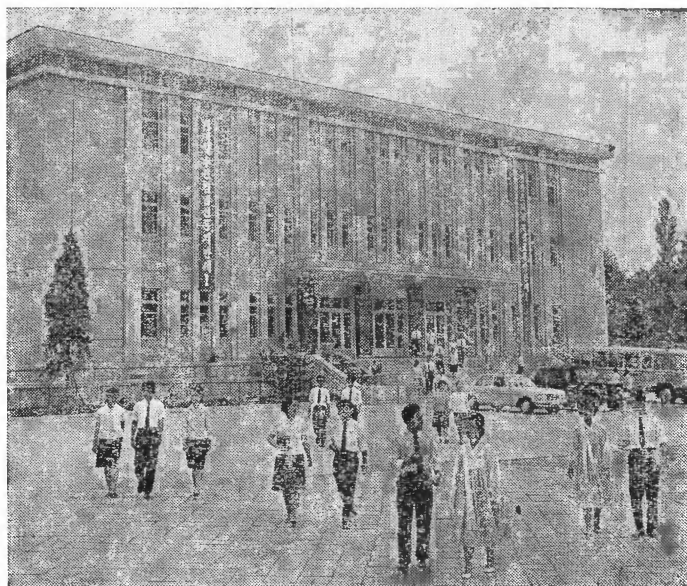
ВОЛШЕБНИЦЫ ЖИВУТ В АЛМАЗНЫХ ГОРАХ

Народная Корея вдоль и поперек пересечена цепями сопков. Они будто простираются в бесконечность. О том, что четыре пятых страны покрыты горами, напоминают шесть вершин, размещенных в центре государственного герба КНДР.

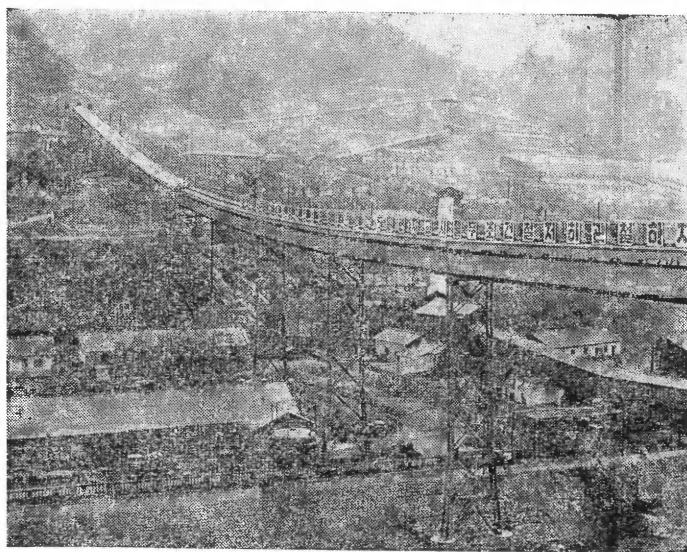
Горы очень красивы, кажется, что они только что сошли с картин восточной живописи. По ущельям и нешироким долинам сбегают ручьи и речки. Их прозрачная вода бьется о камни, рассыпается мельчайшими брызгами, а то и низвергается водопадами. Люди счастливо живут среди окружающей их великолепной природы, ценят ее щедрость и гармонию. Поэты воспевают горы, леса, реки, ущелья и озера, художники увековечивают их на своих полотнах.

Острозубые скалы, одинокие сопки, отрожистые хребты не только придают живописность ландшафтам, но и таят в своих недрах богатства: железную руду и каменный уголь, хром и никель, свинец и цинк, графит и слюду, мрамор, самоцветы и многое другое. Около полутора миллиардов тонн железной руды разведаны на одном лишь Мусанском месторождении (разрабатывается она там открытым способом и по стокилометровому рудопроводу доставляется в домы Чхонджина). Геологи считают, что более двухсот рудных месторождений в Корее имеют промышленное значение. По запасам вольфрама и молибдена КНДР входит в первую десятку стран, а по магнезиту занимает одно из ведущих мест в мире. Золото имеется почти в каждой из девяти провинций. В недрах Кореи есть уран, этот редкий химический элемент, таящий в себе и всепожирающий огонь разрушений, и исполинскую силу созидания.

Полуостров буквально начинен сокровищами. В прошлом богатства недр практически не разрабатыва-

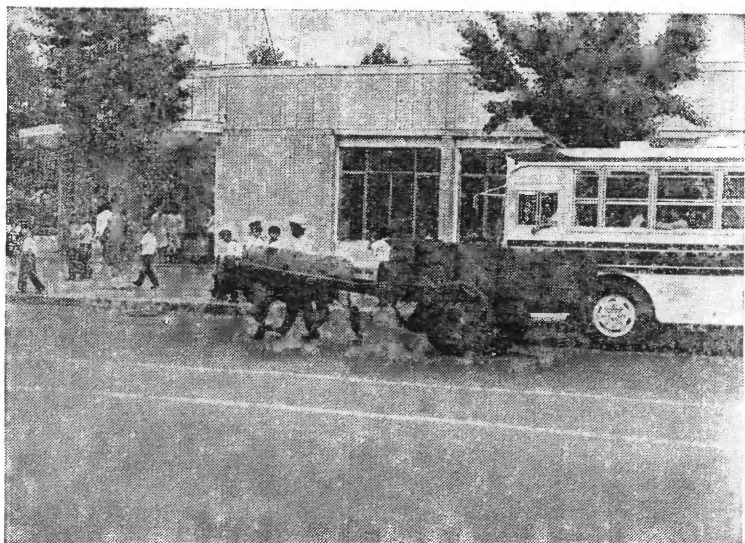
Кэсонский городской дом культуры

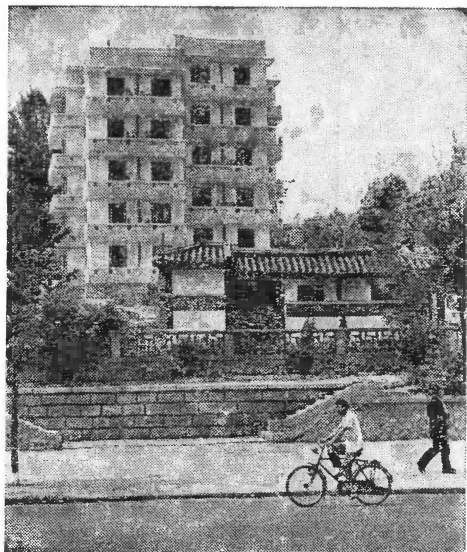
Ленточный конвейер на Комдокском руднике

Кэсонская работница

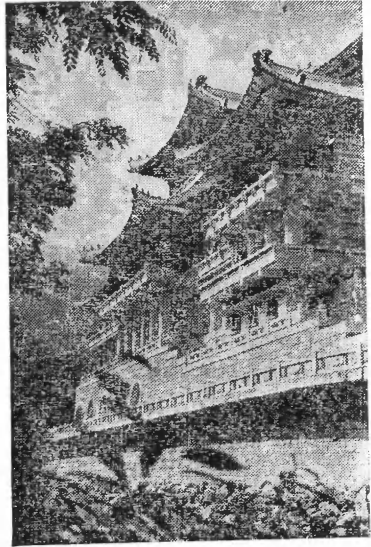
На улице Кэсона

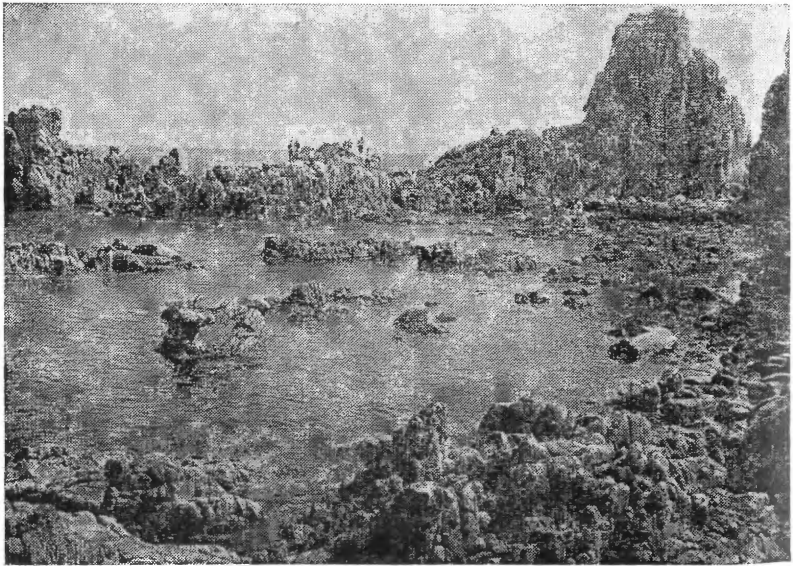
Старые и новые строения в Кэсоне

Танец «У родника»

Гостиница в Алмазных горах

Морской Кымгансан

лись. По причинам порой самым необычным. Например, лет двести назад были найдены крупные месторождения золота, однако, как говорят корейцы, король строжайше запретил его добычу. Он объяснил свой запрет тем, что золото возбудит алчность ненасытных иностранцев, привлечет их внимание к Корее и добром это не кончится!

Я поднимался на горные вершины и спускался в долины, изнывал от жары и коченел от холода под куполом синего корейского неба. Видел здешние горы, когда их хлестали тайфуны, когда жгло немилосердное солнце, когда они искрились на фоне безоблачного неба или тонули в туманном безмолвии. Но более всего я любовался Алмазными горами (по-корейски Қымгансан), их называют самым величественным местом на земле. Как очевидец хочу сказать: сколько бы вы ни читали об Алмазных горах, сколько бы ни слушали о них — ничто не подготовит вас к тому ошеломляющему впечатлению, которое они на вас произведут.

И вот снова пускаюсь в путешествие по Алмазным горам. Готовлюсь к нему, как на праздник, ибо время, проведенное в Қымгансане, созерцание его редкой красоты иначе и не назовешь как праздником. Каждый раз я отправлялся в Алмазные горы еще с одним желанием: подумать, поразмыслить, провести минуты единения с природой, которые не так часто достаются нам в нашей хлопотливой городской жизни.

Из Вонсана, административного центра провинции Канвон, города санаториев, пионерских лагерей, сосновых рощ и морских пляжей с бархатистым песком, в Алмазные горы ведет асфальтированная дорога. Солнце поднялось высоко и хорошо припекало, воздух был неподвижен, парило с самого утра. Был обычный день удушливого корейского лета. От полей и рощ тянуло ароматом созревающих злаков и пахучих трав. Листья на деревьях еще не пожелтели, не оттеняли яркой зелени сосен и полос корейской редьки, которую высаживают поздно, и она сохраняет изумрудный цвет ботвы до самых заморозков. Пейзажи напоминали давно сделанные описания, казались взятыми из хрестоматии.

Наш путь проходил через большие поселки и маленькие деревни. Как те, так и другие выглядели однообразно, их будто построили по одному типовому проекту, оставили одинаковыми домиками. На асфальте лежали свиньи, прогуливались ленивыс, ко всему безраз-

личные собаки. Во дворах кудахтали куры, разгребая навоз. Иногда нам попадались ослики с тяжелой поклажей на спине.

Местами дорога подходила близко к морю. В бухточках на рейде стояли рыбацкие суда, роились джонки — универсальный и старый вид каботажного транспорта на Дальнем Востоке. Они перевозили рыбу, древесный уголь, рисовую солому и изделия из нее, огромные керамические чаны для квашения капусты и других овощей и еще всякую всячину. Когда мы подъезжали к побережью, шла ловля каракатиц, которые в летнее время приходят сюда из теплых южных вод. В Корее исключительно велик улов, хорошо налажен промысел этого очень популярного в восточной кухне моллюска. Среди добываемых продуктов моря каракатица стоит на втором месте. А что касается рыбы, то она составляет 65—70 процентов всего, что корейцы берут у моря.

Вдоль дороги двумя узкими полосами тянулись цветы, высаженные деревенскими школьниками. Они и ухаживают за ними, пропалывают, поливают и очень гордятся этим занятием. Коль скоро речь зашла о цветах Кореи, хочется рассказать о них побольше.

Тонкий вкус корейцев проявляется не только в художественной резьбе по дереву и камню, в вышивках и фарфоровых изделиях, в литературе и в театре, но и в отношении к цветам, любовь к поэтической красоте которых у них общенародна и традиционна. Соперничая яркостью красок, цветы встречаются здесь повсюду: вьются по стенам домов, заполняют сады и парки, окаймляют берега речек и каналов. Они прочно вошли в повседневную жизнь корейцев, покориw в полном смысле слова Страну утренней свежести.

Я не раз восхищался прелестью корейского пиона, этого многолетнего кустарника, сбрасывающего на зиму свои листья. Глядя на его огромные шарообразные цветы, диву даешься, откуда у него такая сила жизни, способность выбрасывать десятки цветов — красных, розовых, желтых, белых, даже голубых и черных. От пиона приходят в восторг не только в пору его цветения, но и ранней весной и глубокой осенью, когда особенно темна зелень его листьев. Больше всего любят Гору пионов в Пхеньяне, где эти цветы растут и в лесопарке, и прямо на лужайках. Едва ли в миллионном городе найдется хоть один человек, который не побывал бы на этой горе, когда цветут пионы.

Весна — пора цветения магнолии. Ее белые бутоны раскрываются в апреле, а иногда и в конце марта, прежде чем появляются листья, и потому магнолиевые деревья кажутся покрытыми белой пеленой. Редкое очарование таят в себе цветущие персиковые деревья — все белые или розовые. Летом повсюду встречаются какие-то незнакомые мне синие цветы, любимое корейцами гранатовое дерево, желтые и темно-вишневые орхидеи с их специфическим, ни с чем не сравнимым ароматом. Гранатовые деревья обычно выращивают в кадках, помещая на зиму в оранжереи и теплицы.

Осень принадлежит хризантемам. Говорят, что они были завезены в Корею из Китая полторы тысячи лет назад. Надолго запоминаются их серебристые и золотистые шары. Хризантемы не боятся холода, не увядают при нулевой температуре, стоят в одиночестве, когда уже все другие цветы отцвели. Корейцы считают хризантемы символом не только красоты, но и стойкости, щедрости — на иных кустах бывает до ста бутонов.

И все же самый любимый цветок корейцев — лотос. Он пришел на Дальний Восток из далекой Индии. Своими крупными щитовидными листьями, на которых всегда сверкают капельки воды, лотос украшает пруды и озера.

Когда один за другим распускаются его крупные бутоны, к водоемам устремляются люди, чтобы насладиться созерцанием этих нежно-розовых или белоснежных цветов с золотистой сердцевинкой. И надо спешить, потому что они живут не более трех дней, раскрываясь по утрам и закрываясь вечером. В представлении жителей корейского полуострова, это не просто красивый цветок — это символ любви и благополучия.

Корейцы украшают цветами свои жилища, ставя их в тщательно подобранные вазы, а если нет цветов, обходятся ветками кипариса или бамбука. При этом придерживаются общего правила: не допускать чрезмерной пестроты, не ставить более двух видов в одну вазу, и так, чтобы создавалось впечатление, что они на одном стебле или на одной ветке.

Цветы — бессмертная тема здешнего искусства. В любви к ним проявляется стремление корейцев к прекрасному, чему-то светлому. И они радуют людей разнообразием красок, тонкостью оттенков, совершенством форм, воспитывая хороший вкус, украшая их быт, делая жизнь наряднее.

Вернемся к нашему пути в Алмазные горы. Гладкая и блестящая после дождей дорога извивается по узким долинам, среди поднимающихся террасами полей. Тысячи лет паханная и перепаханная земля! Она приняла в себя труд многих поколений крестьян. Каждое из них бралось за работу, от которой горбились и умирали их отцы и деды, решало те же вековые проблемы. Эти живописные сопки видели многих, кто допотопными сохами и мотыгами скреб и ковырял землю, выравнивал ее, сажал тонкие ростки рассады, лелеял их, растил и собирал скудный урожай. Повсюду видны холмики одиноких, забытых крестьянских могил. По дороге встречаются не только грузовики, но и запряженные коровами и быками телеги на двух больших колесах, которые мешают автотранспорту, неохотно уступая дорогу.

Не впервые я на этом пути. Гляжу на вечно меняющийся, оплетенный лианами лес, на сопки, покрытые молодой пушистой сосновой порослью, на поля, которые буквально по сантиметру отвоеваны у гор и камней, на бухты с поблескивающими рыбацкими сетями, похожими на покрытую инеем паутину. Считают, что повторение притупляет чувство новизны, больше утомляет, чем радует. Может быть, но не здесь, не в этих горах. В Кымгансане впечатления всегда новы, сколько бы ты раньше тут ни бывал.

Прекрасная страна. Гармония неба и сопки. В долинах рисовые поля, неутомимые ручьи, вода которых прозрачна, как роса, аккуратные деревни, люди, занятые своим делом. Этот покой только однажды нарушил орел, пролетающий совсем низко над землей с каким-то зверьком в когтях.

Три-четыре часа езды — и мы у гостиницы, которая каждому придется по душе своей чистотой и непритязательностью. Обслуживающий персонал держится с достоинством и церемонной вежливостью. Не всегда понимая, что вы спрашиваете, все, однако, мило и обнадеживающе улыбаются. Но это вовсе не угодливые служащие, готовые за чаевые кланяться и лебезить перед посетителями, — это просто гостеприимные хозяева.

Из окна видны высокие раскидистые деревья — клены и ясени. За ними корейские ели с темно-зеленой кроной. Слева — пруд. Корейцы повсюду делают пруды, и все они очень замысловатые. Главная аллея упирается в один из таких искусственных прудов, переходит на выгнутый мостик и далее расходится по островам, на каж-

дом из которых обязательно есть легкая беседка и грот из неотесанных камней. Беседка под черепичной крышей, углы которой грациозно загнуты. Крыша лежит на изящных колоннах, все строение кажется воздушным, невесомым.

Кругом, куда ни кинешь взор, острые пики вершин, чернеющие на фоне сумеречного неба. Словно какой-то великан изрубил их топором, да так и бросил. Испокон веку они так же грозно вздымали свои клиновидные пики, так же грохотала река, заглушая кваканье лягушек. В ночном мраке становится сердитой и мохнатая чаща леса. Отдельные деревья уже неразличимы, они образовали глухую стену. Хочется молчать, чтобы не потревожить таинственный мрак ночи, и думать, будто попал в сказочное царство. Какой-то древний инстинкт толкает тебя ближе к огню. Идиллию нарушают сонмы комаров, от которых звенит воздух, и мириады сверчков и цикад. Они то одновременно умолкают, то вновь, как по команде, начинают пилить, скрести, шелкать, будто под боком целая механическая мастерская. Особенно выделяется один верещащий звук. Он раздается через одинаковые промежутки времени. Корейцы отсчитывают его равномерные сигналы, как мы считаем крик кукушки. Нечетное число — к счастью. Усерднее других это делают девушки. Они ищут ответ на извечный вопрос: любит, не любит?

Алмазные горы лежат к северу от хребта Тхэбэк, простирающегося вдоль побережья Японского моря. Они сложены из гранитов и гнейсогранитов. Их площадь относительно невелика — примерно две с половиной тысячи квадратных километров. Средняя высота Кымгансана — около 1200 метров. Самый высокий пик — Пиробон — 1638 метров над уровнем моря. Граниты Кымгансана в результате интенсивного выветривания приобрели причудливые формы.

В большой твердости горных пород надо искать ответ на вопрос, почему у скал и утесов Кымгансана за много тысячелетий не сгладились острые края, не выровнялся рельеф. Ведь произошло же это в других местах. В этом главная причина неповторимости двенадцати тысяч вершин и нагромождений скал самых фантастических форм — от каменных столбов до немислимых чудищ. Вот некоторые их названия: Каменный лев — грозный зверь изготовился к прыжку, прижавшись спиной к скале и пристально всматриваясь в даль; Длиннобородый

Старик — он словно живой, отдыхает на круче, сидя на корточках; Поднятые руки — два пика, которые можно было бы назвать триумфальной аркой; Улыбающаяся обезьяна и т. д. Но среди всего этого подлинное дивное — Манмульсан, что в переводе на русский язык означает Десять тысяч предметов, где скалы и вершины напоминают самые различные фантастические существа. Все виды в горах Кымгансана связывались предками с буддийскими понятиями о перевоплощении всего живого, о многократных жизнях одной души в ходе ее совершенствования, поэтому дорогу к Манмульсану называли «дорогой совершенствования».

Рассказывают, будто в старину в Корее был обычай направлять начинающих службу чиновников в Кымгансан, чтобы они насмотрелись на эти скалы, навечно стиснувшие узкие ущелья. Королевские сановники полагали, что, побывав здесь, молодые бюрократы приобретут глубокие мысли, решимость, мужество, твердость и будут способны охранять интересы феодальной монархии, а робкие откажутся от государственной службы. Но сидение в горах не помогало приобрести должные качества. Молодые чиновники прожигали там жизнь в погоне за удовольствиями и возвращались в города с ослабшим телом и еще более ослабшим духом.

Проводник часто шутит, говорит, смеясь, что Алмазные горы создавались в первые дни мироздания и без всякого плана. Однако, присмотревшись повнимательней, можно найти определенную гармонию в сочетании бездонных каньонов и бурных потоков, причудливых глыб и пышной растительности. Это одно из тех мест на земле, где легко уверовать в то, что не бывает более совершенных форм, чем созданные самой природой. Одни лишь кымгансанские орлы вне правил и гармонии. Их кривые клювы и острые когти всегда готовы к кровавым битвам и опустошительным налетам.

Японское море баюкает Алмазные горы, круто спадающие к нему, рассыпающиеся десятками мелких островов, так называемым Морским Кымгансаном. Каждый островок как будто бы воспроизводит Алмазные горы своими вершинами и утесами и даже миниатюрными озерами. Их названия так же причудливы, как и они сами: Кошка и мыши, Небесный столб, Лодочник, Тигриная пасть, Молящийся монах, Бычье сердце, Ведущий к облакам мост, Следящий за солнцем дракон, Семь звезд, Плящущая змея и т. д. Берега их скалисты и часто непри-

ступны. Одни совсем голы, без единой былинки, на других растут сосны, которые местные власти заботливо оберегают. Говорят, что на Морском Кымгансане можно слушать, как волны бьются о скалы и как шумит сосна.

Утром отправляемся в путь. К сожалению, гостиничный прогноз погоды оказался ошибочным. Небо почернело, разразилась гроза, полил дождь, превратив тропу в водяной поток. Однако и дождь и гроза скоро закончились. Выглянуло солнце, очистилось небо, и, самое главное, под ногами снова стало сухо.

Тропа, по которой мы шли, как бы играла с рекой, то убегая от нее, то приближаясь к ней. Сквозь толщу речной воды были видны камешки с прожилками. Здесь их называют корейской яшмой. На солнце жарко, но в тени, в глубине ущелья, прохладно, воздух промозглый, тянет сыростью, как из погребка летом, пахнет прелой травой и листьями. Внезапно мы уперлись в каменную громаду. Такой «сюрприз» вызвал возгласы удивления. Присмотревшись, обнаружили щель, в которую ныряет тропа. Сверху только клочок неба да отвесные скалы. Тишина нарушается попискиванием вспугнутых летучих мышей. Немного погода теснина начинает расширяться и терять свой мрачный вид. Временами поднимаемся очень высоко, взору открывается ландшафт, от которого захватывает дух. Облака как бы разрезают вершины пополам. Корейцы говорят в таких случаях, что горы подпоясались белыми поясами. Когда же перед дождем вершины покрываются облаками, значит, они надели белые шапки.

Здесь, в Кымгансане, своей красотой славятся не только горные пейзажи, но и утренние зори с их холодным блеском, и восход солнца с его медленно разливающимся по земле багряным светом. Корейцы хорошо понимают, как трудно оторваться от созерцания этих картин, и поэтому на одной из вершин они построили Беседку лазоревого рассвета, откуда удобно можно наблюдать это величественное и вдохновляющее зрелище. Сначала темно-синее небо чуть-чуть сереет и на горизонте появляется розовая полоска. Если в эти короткие мгновения есть кучевые облака, то они начинают рדתь, образуя фантастические чертоги. Увы, время не остановишь. Спустя минуту из-за горизонта вырывается первый луч, потом другой, третий, один ослепительнее другого. Свет разливается по всему небосклону, и вот на

голубом небе сияет ярко-золотистый сегмент, который все увеличивается и превращается в ослепительный шар. Он поднимается над морем, заливая Алмазные горы ярким сиянием. Теперь горит и переливается весь небосвод, еще больше подчеркивая черноту леса. Все кругом свежо, радостно, живописно. Гранитные скалы и высокие пики будто вытканы из парчи. В эти божественные мгновения мысль о том, что кто-то может нарушить вашу сосредоточенность, заговорить с вами, невыносима.

Возможно, что когда-то, давным-давно, вот в такие минуты корейцы и называли здешние горы Алмазными.

Однако пора в путь. Вновь поднимаемся, хватаясь за низкорослые сосенки, чудом удерживающиеся корнями в трещинах гранита на самом краю пропасти. Идти трудно и опасно. Тропа лепится в десятках сантиметров от бездны, опять уходит в узкую и мрачную расселину между каменными призраками. Уже где-то внизу шумит река, с настойчивым упрямством придерживающаяся своего главного направления — моря. Нельзя сделать ни шагу в сторону от этой маленькой полоски земли. Природа как бы оберегает от вторжения свои тайны, эти еще оставшиеся у нее сокровенные места.

На берегу речки Окнюдон привал. Полянка понравилась не только нам. Ее облюбовали для своих хороводов стрекозы — эти древнейшие обитатели земли: им двести миллионов лет! Светлая речка со множеством водопадов невелика, но быстра и вместе с тем приветлива. Однако как она меняется в пору ливней, которые низвергаются из черных туч — этого неизменного шлейфа тайфунов. Тогда река становится яростной, выходит из берегов, мчится бешеным галопом, ворочая тяжелые камни и разбивая в щепы стволы деревьев, унесенных ею. Гремящая вода срывается с отвесных скалистых махин водопадами, образует бурливые террасы, переполняет и подстегивает обезумевшую реку.

Так бывает во второй половине лета, в сезон тайфунов. А сейчас мы отдыхаем на гладких, нагретых солнцем камнях, черпаем термосами ледяную воду, слушаем пение незнакомых мне птиц. Правда, я видел здесь иволгу с золотисто-желтым оперением и черными, как густые брови, полосками у глаз. Много быстрых синеголовых синиц. Проводник сказал, что тут, в Алмазных горах, есть птицы, которые вообще не хотят жить в неволе: ничего не едят, не пьют, сидят в своих клетках, нахохлившись,

и через несколько дней умирают. Погибают, но не покрываются.

Когда-то в кымгансанских лесах было много диких зверей. Далеко за пределами страны знали о корейских тиграх и леопардах. Они нередко становились настоящим бедствием для селян. Хищники разбойничали вокруг деревень и хуторов, забирались в дома и даже уносили детей. Однако за ними охотились не только по этой причине, но и потому, что их шкуры высоко ценились как в самой Корее, так и в Китае и в Японии. Они были принадлежностью чиновничьих выездов, символом власти и могущества.

В настоящее время в Кымгансане зверей почти не осталось. Самые многочисленные — горные козули. Необыкновенные это создания, никто не сравнится с ними в грации и надменности.

Проводник, теперь уже не шутя, сказал, что в прошлый раз видел тут молодую рысь.

— В темноте блестели ее зеленоватые глаза,— и тут же, обращаясь ко мне, добавил:

— Огня они не боятся, но их пугает звук выстрела. Рысь ни в коем случае нельзя дразнить, она очень злая.

Здесь рыси? Наверное, проводник решил нас поугадать, но я все же заверил его, что никогда не буду дразнить рысь.

Тропа продолжает петлять вверх. Идем по камням, отполированным за сотни лет босыми ногами, или по мелким осыпям. Хорошо, что сюда не добрались с асфальтом, не разворочали этот девственный уголок бульдозерами. Тропа мечется из стороны в сторону, выделявая замысловатые серпантины, и, не найдя ничего лучшего, устремляется прямо вверх. Уже видны вершины, опоясанные облаками, похожими на гребешки волн или на клочья ваты. На склонах кусты корейской азалии. Можно себе представить ее весной, когда листья еще не появились, а она уже сплошь полыхает алыми цветами. Корейцы верят, что долгое созерцание цветов азалии делает человека беспечным.

Растительность Алмазных гор многообразна. Тут редко выпадает снег, кроме, конечно, таких вершин, как Пиробон, который по несколько месяцев в году покрыт снегом. Сюда не проникают леденящие ветры из Якутии и Забайкалья, остужающие всю западную часть Корейского полуострова. Кымгансанский лес напоминает высокоствольные дебри моего родного Приморья. Клены,

кедры, ясени, крупная акация, граб, маньчжурский орех, дуб, бархатное дерево. Со стволов свисают плети лимонника, дикого винограда, сохраняющего и зимой свои черно-фиолетовые гроздья ягод. Здесь растет наиболее ценный дикий женьшень-корень, известный на Дальнем Востоке как средство против старения, переутомления и многих болезней. На полянах высокие папоротники, лиловые и голубые ирисы, тигровые лилии с оранжевыми и красными цветами в черных крапинках. Маленькие, похожие на звездочки колокольчики скромно прячут в тени свои висячие цветочки.

Деревья, кусты и травы каждую минуту меняют свою цветовую гамму — в зависимости от того, как освещены солнцем, где растут — в ущелье или на возвышенности. Этот калейдоскоп красок очарует кого угодно!

Кымгансан — воплощение жизни, буйной и пышной, ошеломляющей несказанными ароматами, особенно весной. Эта жизнь сохранилась здесь в своем первозданном великолепии. Нельзя равнодушно смотреть на красоту сопок, на столь редкое сообщество сотен видов растений, сознавая, что каждое из них таит в себе много загадочного.

Живописность природы не могла не наложить свой отпечаток как на внешний облик корейцев, так и на их психологический склад. Орлиные вершины, бездонные пропасти, буйная зелень, беспокойное море, стремительные реки... И темперамент людей, вероятно, должен быть экспрессивным, ярким, как яркие цветы, покрывающие весной лесные поляны. Худощавые, сильные, вероятно выносливые корейцы отличаются гордым и независимым нравом. Речь их точна и кратка, они не склонны к многословию, не любят, как говорится, крутить вокруг да около. Корейцы не боятся риска, не идут на компромиссы, но в то же время нельзя сказать, что они слишком прямолинейны, лишены гибкости. Они не из тех, кто все упрощает, не признавая нюансов. Тем, кто плохо знает корейцев, может показаться, что они круты и у них куда меньше присущей восточному характеру мягкости в обращении. Могу лишь определенно сказать, что они — люди сильных страстей. А это большое счастье.

В самых живописных местах, откуда открывается хороший обзор, стоят беседки и павильоны из камня и

деревя. Некоторым из них сотни лет, большинство же построено недавно. Прежние, тяжеловесные, грубо раскрашенные, воздвигались на средства богатых чиновников и землевладельцев. От них заметно отличаются новые, выполненные в национальном стиле, с естественной простотой, без особых украшений.

Здесь хорошо бывать летом. Весной моросят теплые дожди, с утра до вечера все затягивается молочным туманом. Ближние и дальние вершины то показываются, то скрываются за белой вуалью. К середине дня туман рассеивается. Облака проплывают в ущельях прямо под ногами, и тогда кажется, будто ты летишь им навстречу. Чудесно тут сухой и солнечной дальневосточной осенью. Воздух чист и прохладен. Сосны и ели сохраняют густую зелень, а тронутые первыми холодами клены, осины, липы, дикий виноград одеваются в яркие наряды осени со всеми ее тонами и полутонами — от коричневого, неяркого, мягко-пунцового до рубинового и густо-багрового. Зимой краски заметно бледнеют или начисто утрачиваются, здешние пейзажи теряют свою привлекательность. Алмазные горы как бы засыпают под нудными, морозящими дождями, покрытые серой мглой. Никто не приезжает сюда в это время года, боясь испортить впечатление от неповторимого края.

В прежние времена не многие корейцы знали о благолепии Кымгансана. Беднякам туда путь был заказан, им было не до любований Алмазными горами. Посещали эти горы люди богатые и праздные. Их поднимали в паланкинах, и они проводили там время в полном ничегонеделании.

Теперь сюда приходят экскурсии горожан, крестьян-кооператоров, группы студентов и школьников. И пожилые люди, и дети любят красоту Алмазных гор, полные гордости за свою родную землю.

Из беседок часами можно смотреть на зелень лесов, на пропасти, узкие долины и вершины гор. Безмолвие этих мест покоряет. Ведь так редко случается бывать в тишине. Мы еще до конца не понимаем, какой ценой нам достается городская жизнь с ее грохотом и нескончаемой суетой.

Когда-то недоступность Кымгансана влекла сюда монахов да еще тех, кому незнакомы смирение и кротость, кого не сдерживали никакие привязанности и нормы, кто бежал от оков и страха, от унижений. В Алмазных горах они обрели уверенность в себе.

Первый раз я побывал в Кымгансане тридцать восемь лет назад, когда монастыри еще действовали, но за их высокими стенами уже зарождались мрачные предчувствия и зрела тревога. Монастырская элита не могла справиться с «ересью». Рядовые иноки стали поговаривать, что религия должна быть праздником, звать к радостям жизни, а не наказывать за них. Но внешне жизнь текла в монастырях по своему привычному руслу. Монахи проводили дни в молитвах, которые время от времени прерывались звоном литавр, грохотом барабанов, ударами гонгов, брэнчанием колокольчиков.

Мой приезд совпал с лунным затмением. Это небесный пес намеревается сожрать ночное светило, говорили служители. Чтобы помешать его трапезе, они били в барабаны и гонги, во всяческие жестянки и в подвешенные куски стали, отгоняя пса и спасая луну. Конечно же, они добились успеха. Затмение кончилось — и в их осанке, во всем облике появились высокомерие и спесь. Они как бы говорили: мы не играем в бирюльки, дело есть дело. За «спасителями луны» следила толпа крестьян — живые свидетели триумфа монастыря. Монахи верили, что все человеческие болезни входят в рот и все несчастья выходят из рта. Говорили они мало, а если что-нибудь изрекали, то с большой важностью. Зато совершенно не заботились о гигиене, считая это суетой сует. Они искали пользу в другом, говоря: все, что полезно, то и правильно. Их молитвы напоминали деловые переговоры с богом: если ты, бог, сделаешь нам то-то и то-то, то мы сделаем для тебя то-то и то-то. Но взаимная сделка не получалась.

Я разглядывал покрытые плесенью и пылью монастырские фрески. Поражался подлинному пиршеству воображения художников, которые изобразили жизнь на земле, на небе и в преисподней, раскрыв всю глубину тайн людей и богов. Каждая картина сопровождалась небольшими текстами, которые либо отражали мысли самого живописца, либо были взяты у классиков. Они написаны скорописью с использованием живописных возможностей и образной силы иероглифов как рисунков понятий. Тексты не поясняли то, что изображено, а имели самостоятельное значение. Они как бы раздвигали рамки картин. Здесь соединились в одно целое художник и мыслитель.

В изображении человека мастера интересовали не столько детали его одежды и то, что его окружало,

сколько само лицо, красноречивость жестов, достоверность эмоционального состояния, выражаемого глазами, губами, поворотом головы. Именно поэтому старые мастера никогда не создавали карикатур. Их привлекали люди со своими реальными, неискаженными страстями, со всем богатством чувств.

Старинные монастыри славились не только фресками, но и скульптурой. Особенно знаменит был Будда в монастыре Чананса. Будда улыбался с высоты второго этажа, блестя позолоченным лицом, которое монахи каждый день умывали ароматной водой. Верующие рассматривали идола, стоя у его непропорционально больших ступней, постоянно смазывавшихся жиром. Тусклый свет падал на голову так, что она мистически сияла в полумраке храма, как бы отражая далекий, неземной огонь. В больших глазах Будды таились мудрость и спокойствие, порожденные размышлениями о суетности и безумии мирской жизни.

В кымгансанских лесах жило немало монахов-отшельников. Они занимались тем, что вырубали на скалах тексты, в которых повествовали о событиях своего времени, выражали гневные протесты, осуждения, а иногда и просто поучали. «Верные рабы всегда остаются рабами. От рабства освобождаются только неверные и дерзкие». Эти двенадцать иероглифов, как полагают, выдолблены по эскизу знаменитого корейского каллиграфа Хан Сокбона. Придворная знать стремилась вычеркнуть его фамилию из истории корейской культуры. Его судьба — яркое подтверждение того, как посредственности, ничтожества мстят великим мастерам после их смерти.

Трудно установить, кто вырубил на скалах Кымгансана вот эти тексты: «Старик, проявляющий юношескую страсть,—существо отвратительное»; «Нет ничего неприличнее мужчины, который не способен переносить боль и невзгоды, а кричит и плачет»; «Есть три великих мужских качества: отвага, разумность, деятельность».

Безвестный монах запечатлел на гранитной скале мифического кундона. Этот мерзкий зверь похож на собаку и на медведя одновременно. У него есть глаза, но он ничего не видит, есть уши, но он ничего не слышит. У этого чудовища странный нюх: им он определяет добродетельного человека и тут же набрасывается на него. А стоит кундону повстречать человека жестокого, как зверь, качая головой, виляя хвостом, начинает ластиться к нему. Видимо, монах связывал с этим образом нечто

из реальной монастырской жизни. В числе наскальных текстов не встретилось ни одного, который бы возвеличивал королей или наместников.

В стране, где издавна считалось, что по почерку можно определить мысли и чувства пишущего, что он — «картина души», многие из грамотных людей увлекались каллиграфией, и это искусство по сей день в большом почете. Нынешние корейцы благоговеют при виде размашистых надписей на скале. Правда, они содержат в себе немало слов-намёков, двусмысленных выражений, тонких, едва уловимых параллелей, почерпнутых из старых книг. Их поймет только тот читатель, который знает, откуда они взяты и в какое время выдолблены. Для многих простых корейцев смысл этих выражений неясен, тем более что сейчас в корейских школах не обучают иероглифике. Страна уже полностью перешла на буквенное письмо.

Ныне в Алмазных горах появляются новые произведения на граните. Их создают по заказам и эскизам организаций, занятых культурно-просветительной деятельностью в республике. Некоторые тексты написаны такими огромными буквами, что их легко можно прочесть с большого расстояния. К примеру, из кымгансанской гостиницы и села Онжон виден гигантский факел, символ знаний, освещающих путь стране, а под ним несколько фраз об эпохе социализма.

Монастыри в Алмазных горах просуществовали до конца 1950 года. Жизнь в них протекала обособленно от всего остального мира, и каждый день был похож на предыдущий. Эти столпы религии не играли значительной роли в жизни корейского народа. Но архитектурные ансамбли, роспись, скульптура и библиотеки старинных монастырей представляли большую историческую ценность.

Храмовые и жилые ансамбли духовенства — замечательные памятники корейской национальной архитектуры. Они, к счастью, не подвергались той строгой регламентации, которая существовала в феодальном государстве в строительном деле и определяла размеры и внешний вид построек для различных сословий. У строителей монастырей на этот счет имелись привилегии. Они могли позволить себе многоярусные крыши, любого тона штукатурку, золотистую черепицу на кровлю, керамические фигурки животных и небожителей на коньки кровли — словом, они пользовались при строительст-

ве теми же правами, что и зодчие, возводившие королевские дворцы.

После освобождения страны народное правительство взяло монастырские строения под свою охрану. Реставрация и ремонтные работы велись за счет государства. Но эта деятельность была прервана американо-южнокорейской агрессией против народной Кореи. Варварские налеты авиации не обошли стороной и Алмазные горы. Три года сопки содрогались от разрывов бомб и ракет, поднимавших в воздух многотонные обломки скал, которые, падая, поражали все вокруг. Горели выдавшие виды леса, переживали засухи, тайфуны и повторявшиеся раз в несколько десятилетий жестокие морозы. В это апокалипсическое время взоры людей устремлялись в небо, они настороженно прислушивались к звукам, доносившимся из-за облаков. Крестьяне рассказывали, что даже их быки, услышав рев самолетов, убегали в укрытия. Полыхали и старые монастырские постройки. Агрессоры мстили за свои поражения и потери.

Я стоял у неподвижных, каменных монолитов ворот уже бывшего монастыря Чананса. Перестроенный в начале XVII века, монастырь состоял из двух десятков крупных зданий, в которых насчитывалось не менее семисот комнат и залов. Подлинным дивом были дворцы Сасенден и Дуйунден с библиотеками и хранилищами книг, рукописей. Место, где ранее стоял монастырь, теперь заросло кустами и деревьями.

Зрелище разрушенных, поруганных творений национального гения, гордости корейского народа заставляет и сегодня биться в священном гневе сердца всех честных людей. Американские интервенты остались в народной памяти как жестокие вандалы, их есть за что ненавидеть.

Природа была щедра к этому району Корейского полуострова. Она не ограничилась созданием прекрасных гор. Тысячи лет известны своей благотворной силой местные горячие источники. В них содержится шесть целебных минеральных солей. Настоящим чудом предстает перед вами озеро, которое, подобно огромному куску полированной яшмы, лежит у Кымгансанского массива. Особенно оно красиво при свете луны, когда смотришь на него из «Беседки любования луной, купающейся в воде». Днем можно часами глядеть на это озеро с утеса Поннэ. Впереди — окруженный лесом и сопками водоем более восьми километров в окружности, за спиной —

кымгансанские пики, справа — синева безбрежного Японского моря. Одно слово: корейский Светлояр, в котором вот-вот покажется старинный город, опустившийся на дно. Кстати сказать, местные жители убеждены, что на дне озера есть крепость и живут там чудовища. Прежде оно называлось «Озеро, в котором купаются тигры», а теперь — «Озеро трех дней» (Самильпхо). Когда-то мимо него проезжал король. Зачарованный живописностью мест, он задержался здесь на три дня, поэтому озеро так и назвали.

На подступающих к берегам сопках, которым вечную зелень придают сосны, разбросаны павильоны и беседки. Прогулка по озеру забываема. По голубой глади снуют лодки, над ними чайки, то взмывающие высоко в небо, то опускающиеся прямо на воду. Особую прелесть озеру придают небольшие островки, все в яркой зелени.

На берегу, среди деревьев, нарядно выглядят здания, окрашенные в белый, желтый и красный цвета. Это санатории и дома отдыха, где бесплатно лечатся и отдыхают рабочие. Во время отдыха за ними сохраняется их заработная плата.

Врачи санаториев используют как современные средства лечения и предупреждения болезней (при этом в их распоряжении новейшее оборудование), так и методы традиционной корейской медицины. Я не врач, не хочу вызывать скептические нарекания, пересказывая случаи исцеления тяжелобольных в результате лечения травами, кореньями, семенами, насекомыми, внутренними органами и железами диких зверей и домашних животных. Хочу лишь заметить, что традиционная медицина, пользующаяся названными препаратами, ничего общего не имеет со знахарством. Это скорее использование в лечебных целях той суммы знаний, навыков, которые были накоплены в результате опыта многих поколений. Ей насчитывалось уже более тысячи лет, когда родилась современная медицина. Некоторые слабости ее очевидны, например диагностика, основанная исключительно на ощущениях больного. Но эти недостатки устраняются теперь лабораторными исследованиями.

Традиционны в Корее такие методы лечения, как иглоукалывание, прижигание пеплом (медленно сжигается трут из полыни на некотором расстоянии от кожи больного). Первое считается эффективным при острых заболеваниях, второе — при хронических. Почти повсе-

местно получило признание врачевание иглоукалыванием радикулита — болезни, справиться с которой не в силах современная медицина.

Высокий авторитет традиционной медицины среди населения свидетельствует о ее способности облегчить тяжелое самочувствие многих больных, вызванное той или иной болезнью. Корейские ученые ведут поиски научного объяснения ее действий на организм человека.

Наконец мы приблизились к цели нашего похода по Кымгансану — водопаду Курён (Девяти драконов). Он питается от системы высокогорных озер, восемь из которых соединены протоками, названными Санпхальдам. Еще за несколько минут до подхода к водопаду слух улавливает мерный грохот. Курён возникает неожиданно. Вода, падая с семидесятиметровой скалы, обрушивается на гранитную платформу, в созданный ею котлован глубиной более двадцати метров, где она клокочет, кипит, бурлит. Мельчайшие брызги золотыми и жемчужными бусинками рассыпаются во все стороны, рассеиваются искристым дождем, создавая над водопадом вечную радугу. От этой красоты замирает сердце.

Девяти драконам воздал должное не знающий покоя дух корейского мифотворчества. Эти места зачаровывали не только людей, но и изысканных небожителей. Они давно обратили внимание на то, что Алмазные горы превосходят своей живописностью их собственную обитель. Феи решили покинуть небо и переселиться в Кымгансан. Для этого им пришлось опустить конец радуги к Санпхальдам и соскользнуть по ней к Курёну. Земля так понравилась феям, что они навсегда остались на ней.

Сохранившиеся в народной памяти сказания повествуют о необыкновенных приключениях небожителей в Алмазных горах. Тема любви, в сущности, не очень популярна в корейских легендах и преданиях. Ее всегда касаются с большой осторожностью. Однако для кымгансанских волшебниц было сделано исключение: во всех народных преданиях они влюбляются, и, что интересно, не в богов, а в простых смертных, и не в принцев, а в пастухов, пахарей, лесорубов.

Мы возвращались в Вонсан тем же путем. Машина мчалась среди тех же живописных пейзажей. Сигналы автомобиля спугивали с делян риса длинноногих цапель.

Гудки то веселым эхом отдавались в скалах, то затихали в молодых посадках грецкого ореха, устлавших еще недавно лысые склоны сопок. Как и всегда, красота корейской земли покоряла.

Дорога шла полями, на которых еще работали крестьяне, мимо строительных площадок и товарных станций, где жизнь не останавливалась ни на минуту даже ночью. В новой Корее повсюду происходят перемены. Они коснулись и Алмазных гор. Народная власть объявила этот прекраснейший район заповедным. Сохранить природу, способность воздуха, воды и почвы к регенерации, помогать им в этом, преобразуя осторожно и разумно,—одна из неотложных задач республики.

Мне известны высказывания корейской печати о том, что грубое, бессмысленное вмешательство в природу способно нанести непоправимый вред людям. Охрана среды обитания в КНДР становится одним из признаков гуманизма и его критерием.

В отношении гор и лесов, рек и озер корейцы предпочитают не употреблять такие слова, как «покорить», «взять», «изменить» и тому подобные. Люди понимают, что ныне с помощью взрывчатки и других современных технических средств можно поднять на воздух любую гору, заставить течь вспять любую реку или вовсе прекратить ее существование. Так же легко и быстро можно истребить леса. Чего здесь больше — пользы или вреда?

Кымгансан теперь не чужой, враждебный человеку мир. Корейцы с величайшей любовью и заботой относятся к Алмазным горам, их флоре и фауне. Я это видел на каждом шагу.

РИС — ЭТО ХЛЕБ КОРЕИ

«Благословенны выращивающие рис и плоды, строящие дороги и колодцы». Этому изречению многие сотни лет. Оно родилось у корейского народа, который символом силы и процветания государства считает переливающееся дымчато-шафранным цветом поле созревающего риса и включает метелки этого злака в национальные орнаменты.

У всех народов есть свои поэты, певцы, сказители. Они помогают сохранять в памяти славное прошлое,

воспевают красоту родной земли, ее природу, возделанные нивы и плодоносящие сады. У корейцев ко всему этому добавляется еще хвала рису. Трогательная любовь к нему проявляется во всем: в повседневной действительности, в литературе, искусстве, народном творчестве. О нем сложено много легенд, сказаний, песен, пословиц и поговорок. Вот десяток таких народных поговорок, взятых наудачу: хорошее слово подобно горсти риса; тот настоящий глава семьи, кто знает, как дорог рис; богатство не жемчуг, а рис; придет день для молотбы риса (счастливым день); растите сыновей, чтобы обеспечить старость, копите рис, чтобы не умереть, когда наступят голодные годы; не жить в деревне — не знать, как тяжело выращивается рис; даже в рисе попадаются зерна других злаков; везде рис хорош для голодных; прежде думайте о рисе, а потом уже об одежде. Почитание риса традиционно, оно живет с тех незапамятных времен, когда каждую весну при большом стечении народа проходили популярные праздники по случаю его посадки. Во время этих торжеств сам король выезжал на полготовленное поле и втыкал в землю стебельки рисовой рассады. Другие злаки удостаивались внимания только принцев.

Издавна рис был основой материального и духовного богатства страны. Правители и их армии питались рисом, который крестьяне выращивали и переносили на своих плечах с одного конца полуострова на другой. Сами земледельцы, ремесленники, лесорубы, купцы, рыбаки, чиновники, философы и знахари — никто не мог обойтись без риса. При обильном его урожае семьи процветали, при недороде — впадали в нищету. Время меняло решительно все, но отношение корейцев к рису оставалось неизменным.

В наши дни признание большой роли риса в народной жизни выражается в том, что изображение его метелок составляет часть государственного герба Корейской Народно-Демократической Республики. Они символизируют класс трудового крестьянства и вместе с тем представляют собой эмблему жизни, изобилия, нравственной чистоты. Это знак единой и большой семьи, такой же нераздельной, как и зерна в метелке.

На холме, в центре Пхеньяна, возвышается величественный монумент Чхонлима (Крылатый конь). Сама его идея взята из легенды, повествующей о том, как отважный богатырь, сидя верхом на крылатом коне, одним

махом пересекал моря и горы, за один день пролетал из одного конца страны в другой. Чхонлима — это символ быстроты, скорости. Любой прогресс сравнивается с полетом крылатой лошади. Теперь «чхонлима» стал девизом целой эпохи, олицетворением несгибаемого духа народа и высоких темпов строительства социализма. На спине летящей лошади (монумента) две фигуры: рабочий с книгой и крестьянка, держащая в руках сноп риса с тяжелыми, ниспадающими метелками. Рис. Он в КНДР везде. Он основная культура сельского хозяйства, он хлеб корейцев. Рисом они называют и деляны этого злака, и снопы его, и обмолоченное зерно, и уже приготовленную еду, и в переносном смысле любую пищу вообще.

Из всех сельскохозяйственных культур рис — одна из самых древних. Полагают, что люди начали выращивать его в Индии пять-шесть тысячелетий назад. Там и до сих пор есть несколько диких видов этого растения. С тех пор рис более всего распространился по Азиатскому континенту. И ныне почти девять десятых его выращивают в Азии и на прилегающих к ней островах теплых морей. Но рис употребляют в пищу повсюду, а у половины населения земли он составляет основу пищевого рациона.

В Корее рис утвердился на заре ее истории. Об этом много написано в книгах корейских ученых. Сотни лет народ называл его «сокровищем государства», а придворные говорили, что королевские династии так же необходимы и важны, как зерна риса, без которого не может обойтись ни одно сословие.

Внешне этот злак мало чем примечателен. Стебли наиболее распространенных сортов не выше полуметра. Правда, у некоторых видов они достигают трех и даже пяти метров. Обычно у риса не более пяти продуктивных стеблей, а при разреженном высаживании рассады и хорошем удобрении значительно больше. Vegetационный период длится от ста до ста пятидесяти дней. В фазы кущения, выхода в трубку, выбрасывания метелки слой воды должен удерживаться от пяти до двадцати пяти сантиметров. К наступлению восковой спелости вода сбрасывается. Рис может расти и без искусственного орошения там, где годовые осадки превышают две тысячи миллиметров.

Рис любит не только воду, но и тепло, ясные, солнечные дни. При всем этом зона его распространения

довольно широка, значительно шире, чем любой другой культуры, возделываемой людьми. В дальневосточной части Азии его выращивают до 48-го градуса северной широты, хорошие урожаи снимают и в болотах Либерии, и в Гималаях, на высоте 3500 метров над уровнем моря.

Поэтому не стоит удивляться, что в КНДР, четыре пятых которой занимают горы, в сельском хозяйстве преобладает этот однолетний злак, нуждающийся в ровных, как стол, полях и огромном количестве воды. Кажущаяся несуразность объясняется очень просто: у риса не нашлось достойных соперников на Корейском полуострове. По вкусовым и питательным качествам он лучше, чем известные в Корее другие зерновые культуры. Рис содержит много крахмала, белки. Без полировки, которая делается для придания товарного вида, в нем сохраняется больше ценных витаминов. Они сосредоточены в верхней пленке, сросшейся с зерном. Рис с красными пленками считается наиболее питательным. Его стоит выращивать, несмотря на трудности, связанные с условиями горного рельефа страны.

Самые плодородные земли Кореи (плодородность возрастает по мере продвижения с севера на юг) отданы рису. Здесь его культивируют с увлечением, с невероятной тщательностью и скрупулезностью. Тому, кто хоть раз видел корейские рисовые поля, невозможно забыть их строгую красоту, аккуратные деляны, цвет которых меняется по мере созревания риса. Они тянутся параллельно и перпендикулярно друг другу либо изящно окаймляют склоны гор, а порой поднимаются террасами и лепятся повсюду, где удалось найти хоть клочок пригодной земли и поднять к нему воду. А над рисом, нередко до самых вершин сопков, тянутся маленькие полоски полей, похожие на лоскуты пестрого одеяла,—с кукурузой, просом, соевыми бобами, гаолянном, арахисом, табаком, ячменем, кунжутом, пшеницей, капустой, редькой. В КНДР считаются вполне пригодными для обработки склоны до 30 и даже более градусов крутизны.

Кореец с примерным усердием возделывает любой клочок пашни. Куда невозможно поднять воду, чтобы выращивать рис, он сажает — всегда аккуратными рядами — богарные зерновые и бахчевые культуры, овощи. Междурядья оставляются достаточно широкими, чтобы засадить их рассадой других растений, когда первые еще не будут убраны, а только начнут созревать. Иной раз высаживается две или три культуры одновременно: по

кукурузе — фасоль, обвивающая стебли и початки, а прочее место на грядах заполняет тыква.

При всем этом за рисом сохраняется господствующее положение. Он не только повседневная пища, но и сырье, из которого готовят десятки вкусных деликатесов. Тут различные сладости, торты и пирожные, детское питание и тому подобное. А сколько видов продукции производят из него промышленность и кустарные производства, использующие как зерна, так и другие части этого растения. Например, из соломы делаются дорогие сорта бумаги и картон, мешки, веревки, циновки, шляпы и много других изделий. Без риса, этого лучшего из всех известных людям злака, без его соломы и мякоти нельзя представить ни жизнь людей, ни существование необходимых в крестьянском хозяйстве животных.

В Корее люди с разным достатком одинаково бережно относятся к рису. Я часто обедал вместе с корейцами. Главная пища — рис. Едят двумя палочками из пиалы, которую подносят как можно ближе ко рту. Только изредка взрослые и дети берут из общего блюда кусочки рыбы, квашеную капусту или нарезанную редьку — ту скромную порцию, которая полагается каждому. Завтрак, обед ли, ужин — всегда первооснова — рис. Характерно, что никто не оставляет даже зернышка в своей пиале. Это было бы дурным тоном, безнравственно. Бережное отношение к рису — тысячелетняя традиция. Его породили многие причины, в том числе и страшные голодные годы, уносившие периодически тысячи человеческих жизней.

У каждой профессии — своя грамматика. Корейские крестьяне прекрасно знают грамматику возделывания рисового поля, знают, что обильной жатвы не бывает по милости случая, а только благодаря повседневной кропотливой работе, мастерству, изобретательности. Выращивание риса — это древнейший вид человеческой деятельности. Оно состоит из множества операций. Ранней весной в питомниках (в закрытом, полузакрытом, а то и в открытом грунте) селяне выращивают рисовую рассаду. Затем ее высаживают на затопленные водой, предварительно выровненные поля. Чтобы вода удерживалась, пашню обносят земляными валиками. Огражденные со всех сторон горизонтальные участки земли называются чеками.

Получить хороший урожай нелегко, работа на рисовом поле — не идиллия. Неприятности приносит прежде

всегда сам климат, о котором нельзя судить лишь по теплой, солнечной осени, длящейся до декабря. Летом под раскаленным свинцом корейского солнца воздух становится душливо-знойным. Ночь же обдает клейкой сыростью. Но даже в такое тяжелое время года жизнь не замирает, а идет своим размеренным чередом. Однажды мне пришлось особенно остро почувствовать, что такое корейское лето. В начале июля я спустился по Тэдонгану. Со своевольной реки, которая неожиданно поворачивала в стороны, делала петли, лучше всего можно было увидеть красоту страны, ее горы и поля, города и села, кирпичные или глинобитные, окруженные садами дома. К селениям примыкали поля. Широкие, безграничные? Нет. В Корее такие определения относятся только к небу и к морю. И никогда — к полям, которые всегда зажаты сопками.

Баркас скользил по синей глади, яркое солнце било в глаза, а темная зелень гор казалась черной. Воздух обжигал, как в парильне. Было не до любований пейзажами. Я лежал на циновке, разостланной на корме. Днем было ужасно, ночь не дала ожидаемой прохлады. Только к утру температура падала на пять-шесть градусов ниже дневной. Вот на такой период и приходится самая тяжелая работа рисоводов — прополка. Согнутые спины крестьян на залитых водой полях — неотъемлемая часть корейского сельского пейзажа. Будто ощущаешь на себе горячее дыхание этих тружеников.

Не берусь утверждать, какой вид работ по возделыванию риса самый тяжелый. Должно быть, все они одинаково нелегки. Однако прополка мне кажется наиболее тяжелой, длительной, изнуряющей. Идет яростная битва с сорняками. Они появляются сразу же после высадки рассады. Это похожие на стебельки риса просянка, рисовый пырей и другие. Ручная прополка требует 300—350 часов труда на одном гектаре. Сейчас, правда, значительную часть этого труда взяли на себя машины. Но одними машинами не обойдешься.

У риса много летающих, ползающих, плавающих врагов. Их травят химикалиями, собирают чесалками, сжигают на масляных горелках, зажигаемых посреди чеков на ночь. И непрерывно надо следить за фазами развития злака, поддерживать слой воды соответствующей глубины. Не так легко бывает полностью сбросить воду с чеков в коллекторные каналы, когда подходит восковая спелость риса.

Извечно на полях работали все взрослые, по колена утопая в раскисшей почве. Когда они уходят на поля, в селениях становится тихо и безлюдно. Даже привязанные к столбам коровы и козы смотрят безучастно и отрешенно. В домах остаются старухи да старики в окружении малолетних потомков.

В дни частых странствий по горной местности Северной Кореи, по тропинкам шириною не более полуметра, тянущимся между затопленными рисовыми полями, я видел, как земля награждала крестьян за их труд богатыми урожаями, но я был свидетелем и того, как тяжел сельский труд. Каждый день, утомленные и молчаливые, с темными от палящего солнца и усталости лицами, они возвращались домой, чтобы спустя несколько коротких часов снова начать трудовой день. И, так сотни и тысячи лет. Трудолюбие укоренилось в их быту, стало главной чертой характера. Способность умело и много работать, контролировать свои чувства разумом сделала корейского крестьянина экономным, умеющим беречь землю, воду в засушливые месяцы и бороться с ней в пору тайфунов.

Посадка, прополка, полив, жатва риса — лишь часть крестьянского труда. Половину рабочего времени земледельцам приходится тратить на защиту от ливневых вод и поддержание в порядке густой сети уже существующих оросительных каналов, а также на строительство новых. Все они должны быть приспособлены к рельефу местности. Вода — самая большая ценность в пору засух и великое бедствие во время паводков, которые возникают неожиданно и грозно, затопляя наиболее плодородные земли. (Особенно засушливым выдалось лето 1977 года. Решением правительства 9860 квалифицированных рабочих промышленных предприятий было командировано в сельскую местность для помощи в строительстве трубчатых и шахтных колодцев, из которых насосами поднималась вода на рисовые поля.)

Какими только приемами не пользовались крестьяне, чтобы подавать воду на поля. Самотечный полив был их заветной мечтой. Но для этого надо было строить плотины на реках и протяженные каналы, которые так часто разрушались разбушевавшейся водой. Вот почему долгое время популярным было водоподъемное устройство, состоящее из бесконечной цепи с ковшами и приводимое в движение двумя-четырьмя людьми, держащими за центральную перекладину. Или Архимедов винт,

вставленный в полную колоду. Один конец ее опускали в водоем, а другой соединяли с головной частью канала. Крестьянин вращал винт, который мог поднять воду на высоту не более одного метра.

Были и другие способы водоподъема, например такой. Внутри большого деревянного колеса днем и ночью топтались люди. Колесо медленно вращалось под тяжестью их тел. С каждым движением черпаки, прикрепленные у краев лопастей колеса, захватывали немного воды, а потом, поднятые вращением на самый верх, выливали воду в желоб, соединенный с оросительным каналом. Тысячи шагов на одном месте, бесконечный марш глельх крестьянских семей без всякого движения вперед. И такому адскому труду не было конца.

Вспоминая, как в 1945 году нас, советских военнослужащих, поражало все, что бы мы ни увидели в этом краю. Впечатления были сложными и глубоко западали в душу. Конечно, прежде всего в глаза бросались живописные картины: сопки, тщательно возделанные поляны, аккуратные на вид деревни с глинобитными домиками. Думалось, что тут есть все для благодатной жизни. Но долины, деревни и поля были благополучными только для стороннего наблюдателя, не знавшего, сколько горя, невежества и предрассудков таилось под каждой крышей. Мы присмотрелись повнимательнее — и нас ошеломили нищета и забитость крестьян, убожество их жилищ. Крохотные помещения были без потолков. Полы заменяла утрамбованная земля, маленькие оконца затягивались промасленной бумагой, пропускавшей так мало света, что внутри всегда был полумрак. Двух- или четырехскатная крыша состояла из жердей с уложенными на них несколькими слоями хвороста и глины, покрытых сверху соломой или камышом, по которым скатывалась дождевая вода. При появлении советских солдат на улицы высыпали ободранные, золотушные дети, выползали калеки, нищие. Тяжело было глядеть на женщин, состарившихся после рождения первого же ребенка, выглядевших дряхлыми в свои тридцать — тридцать пять лет.

Крестьяне жили в деревнях. Кое-где еще остались хутора, которые японские власти не успели ликвидировать. Многие из сельских жителей представляли собой третье, четвертое, а то и пятое поколение переселенцев из южных провинций. В каждой местности существовали свои поверья, связанные с какой-нибудь священной сопкой, пещерой, рекой или озером, наделявшимися магиче-

ской силой. Все жители деревень поклонялись духам, полагая, что это души умерших и что они влияют на жизнь живых, способны осчастливить за заботу о них или покарать за пренебрежение к ним.

Никогда не забуду то время, когда я несколько дней ходил пешком из деревни в деревню, названий которых не помню, встречался с людьми, чьи лица стерлись из памяти, слушал по несколько часов в сутки трагические истории из прошлой жизни. «Все менялось,—говорили крестьяне. — За приливом следовал отлив. Входило и закатывалось солнце. Только наша жизнь оставалась без перемен, горю не было конца». Но уже тогда в их рассказах сквозило больше надежды, чем отчаяния, презрение к угнетателям становилось сильнее ненависти.

Тяжело жили люди под иноземным гнетом. Даже сборы урожая не радовали их. Этот долгожданный и заслуженный праздник омрачала горечь. За спиной пахаря стоял колонист-японец или помещик-кореец, отбирая три меры риса из каждых пяти в уплату за землю и воду.

Власти выколачивали налоги, которые были, пожалуй, единственной формой отношений между ними и крестьянами (японцы цинично называли поборы «соскабливанием жира с мужичья»). Делалось это чаще всего руками самих корейцев из числа приспешников, сотрудничавших с колонизаторами, перенимавших японские обычаи. Нет нужды доказывать, что «собачьи ноги», как называли их крестьяне, не представляли корейского народа. В массе своей это была жадная бюрократическая прослойка, презиравшая своих соотечественников и гнувшая спины перед пришельцами. Добиваясь корыстных целей, они действовали хитро, с тонким расчетом. Даже после освобождения страны и изгнания колонизаторов они мечтали повернуть все вспять, были уверены в своей значимости и незаменимости. Ждали, что вот-вот их призовут к службе, стремились унаследовать привилегии бывших властей, были убеждены, что имеют право на получение особых материальных благ.

При японцах корейская деревня как бы замерла в своем развитии. Рис она выращивала по-прежнему дедовским способом. Крестьяне топтались на мелких делянках, ковыряя размокшую землю пятизубым оралом, поливали вручную, таская воду на террасы. Орудием труда были те же серпы и сохи, каменные катки для молотбы, что и тысячи лет назад. Соха походила на на-

клоненную вперед большую лопату, которую тянули бык или корова (кстати, в Корее корова использовалась только как тягловый скот), а с другой стороны ее поддерживал пахарь. Борона представляла собой тяжелую раму из плотного дерева со вставленными в нее зубьями. С раннего утра и до позднего вечера все трудоспособные жители находились в поле, которому отдавали все силы.

Деревня, конечно, не знала, что такое селекция и организованный подход к выведению новых сортов риса. Не было химических удобрений и машин, орудия производства оставались самыми примитивными. Благоприятные для выращивания риса климатические и почвенные условия не использовались тогда в полной мере. Сбор с полей был несопоставим с тем трудом, который затрачивался, и с тем количеством ртов в семье, которые надо было прокормить.

Больно было видеть унижавшую и опустошавшую людей нищету, тот контраст, который существовал между бедностью дружелюбных тружеников и богатством колонизаторов. Последние были в ответе за трагедию, за разгул лихоимства и попрание человеческих прав. Освобождение! Ничто не было нужнее для людей, которых мы увидели в то время.

С тех пор прошли десятилетия. Та жизнь исчезла навсегда, о ней вспоминают как о чем-то далеком и недобром. Трудовая партия Кореи разработала планы строительства социализма в стране и подняла народ на их выполнение. Она возглавила трудящиеся массы в Отечественной войне 1950—1953 годов, в послевоенном восстановлении народного хозяйства и в борьбе за достижение тех огромных успехов в экономической и общественно-политической жизни, которыми корейцы вправе гордиться.

Планы перестройки деревни предусматривали осуществление проектов небывалого масштаба в деле выращивания риса. Сами крестьяне не ждали, что кто-то будет трудиться вместо них. Упорство и дерзание, уверенность и надежда поднимали их на подвиги, делали невозможное возможным. Люди шли на полевые работы со знаменами и барабанами, с гордостью называя свой труд сражением. Это и была настоящая битва за рис и вместе с тем за нечто большее — за социалистическое будущее своей страны. У всех на глазах сказка становилась былью, мир мечты и реальный мир паразитическим образом сближались между собой.

Молодая Корея росла и мужала не только в крупных городах и промышленных центрах. Коренным образом менялось лицо деревни. Там уже не могло укрыться прошлое со своими отсталостью и невежеством. Но на пути вставало много сложных проблем. Их нельзя было отодвинуть в сторону. Надо было работать, организовывать, добиваться, иначе говоря, надо было решать непрерывно рождавшиеся, ранее неведомые задачи, преодолевать препятствия и затруднения. Люди, пережившие лишения и беды, которым не было числа, берегли, ценили новую жизнь, понимали, что теперь они сами крепко держат свою судьбу в руках. «Разве кто-нибудь из нас думает, что дело уже сделано и можно ослабить усилия?» — говорили мне кооператоры села Хвандон.

В стране, где площади пахотных земель не достигают и двух миллионов гектаров (по семь соток на каждого жителя), в короткие сроки были построены большие ирригационные системы, поля покрылись гидротехническими сооружениями, способными справиться с многими капризами природы. Развернулись невиданные гидротехнические работы. Среди созданных ирригационных систем выделяются Южнопхенанская, орошающая около 100 тысяч гектаров, а также Амнокканская — 90 тысяч, Кянская — 51 тысячу гектаров. Эти системы не просто паутина каналов. На каждой из них сотни шлюзов, виадуки, дюкеры, двух-, трех-, четырехступенчатые насосные станции. (В Кянской системе, которая кроме орошения полей обеспечивает водой шесть городов, насчитывается более трехсот насосных сооружений.) В провинции Северная Хванхэ построена четырехступенчатая насосная система, с помощью которой вода из горной реки поднимается на стопятидесятиметровую высоту. Республика располагает 1,5 тысячами водохранилищ, 16 тысячами водоподъемных станций, более чем 40 тысячами километров оросительных каналов, не считая тех, из которых вода непосредственно поступает на деляны, более чем 1,5 тысячами километров крупных каналов-коллекторов, отводящих с полей избыточные воды.

Конечно, обеспечение риса водой — дело первостепенной важности, но у рисоводов есть немало и других проблем. Самая главная среди них — необходимость постоянно увеличивать посевные площади. Но за счет чего? Целинных, а тем более залежных земель в КНДР нет. Все, что можно было распахать, крестьяне распахали за тысячи лет своей истории. Кое-какие площади

предполагалось найти, уничтожая межи, закапывая каналы, упорядочивая дорожную сеть. Но все это были полумеры. Они не могли решить острую проблему изыскания новых земель под рис. Поэтому ставка была сделана на строительство больших чеков, на которых было бы меньше валиков, и пропадаящая площадь под ними резко сократилась бы. Большие чеки дают возможность применения современных машин. Ведь на старых пашнях машинам негде было развернуться. Как осуществить такую перестройку? Чеки на склонах — это неширокие, иногда только двадцати-, тридцатиметровые участки, на которых выращивают рис.

Выход был один: в больших масштабах осуществить перепланировку полей, создать крупные и по возможности стандартные деляны площадью не менее одного гектара. Такая перепланировка сулила эффект, равный введению в оборот ста тысяч гектаров новой пашни. Только с помощью перепланировки можно было заменить быков тракторами. (Быки и коровы совсем недавно были основной тягловой силой в корейской деревне. Лошадей крестьяне держали мало. Те немногие низкорослые лошадки, которых мне приходилось видеть, были мало приспособлены для хозяйственных работ или верховой езды.) Для выравнивания полей, сооружения подпорных стенок на террасах и других планировочных работ, а также строительства нагорных канав для перехвата ливневых вод, скатывающихся с крутых сопок, государство создало в уездах специальные организации, снабдив их бульдозерами, самоходными скреперами, землевозами «Сынри» и грейдерами, которые приспособлены для строительства дамб и валиков.

Новые пашни намечено было получить и на землях, отвоеванных у Желтого моря, на месте заливов, озер, протоков и шумевших камышами болот, там, где плескались морские волны, тянулись отмели с зыбким, илистым дном. Мелководье шло вдоль побережья полосой от устья реки Амноккан до дельты Имджингана, у самой демаркационной линии. Повсюду здесь разбросаны небольшие озера, длинные косы, образовавшие много лагун. Высокие приливы, достигающие у устья Тэдонгана около восьми метров, создают необычные условия, какие редко встречаются в других местах земли. Во время приливов в морские бухты, в устье Тэдонгана и далее по реке до самого Пхеньяна могут ходить довольно крупные суда и баржи. Приливы затопляли не менее полумиллиона гек-

таров пригодных для земледелия низменностей. Засоленню подвергались большие пространства земли.

При отливах заметно мелеет не только река, но и заливы, а также большие участки моря. Кое-где даже обнажается дно, являя взору свои богатства — всевозможные раковины, в том числе и жемчужницы, в которых иногда попадаются замечательные по форме и оттенкам жемчужины. Поэтому в этих местах промысел таких раковин не связан с риском для жизни и не окружен романтическим ореолом.

Правительство КНДР приняло решение соединить острова насыпными дамбами, перехватить заливы плотинами и выкачивать воду из образовавшихся замкнутых площадей. Это должно дать возможность использовать не только дно моря, но и засоленные низкие береговые участки в зоне приливов. Таким путем намечено увеличить посевные площади в стране процентов на десять-пятнадцать. Иначе говоря, до конца 80-х годов освоить 300 тысяч гектаров. И страна мобилизовала все требовавшиеся ресурсы на выполнение этой важной задачи.

Выврять у морской стихии земли и сделать их самыми плодородными в республике — это не пустая мечта, а реальные планы, которые уже успешно осуществляются. Когда к 2000 году здесь будут завершены основные работы, возникнет большая чаша, заполненная рисовыми нивами, играющими, подобно морю, на легком ветру. На этих равнинных площадях будут работать современные машины, тяжелые тракторы, поднимая красновато-серую землю, отваливая ее стальными лемехами. Необъятная пашня будет прикрыта со стороны моря могучими, одетыми в гранит дамбами. Предварительные подсчеты показывают, что выращенного на этих землях зерна хватит, чтобы прокормить миллионы человек. А это очень много значит для страны, в которой ныне более 20 миллионов.

Трудовая партия Кореи и правительство КНДР пошли на такие дорогостоящие работы, как уже было сказано, в силу необходимости. Горный север полуострова извечно считался непригодным для земледелия. Этот район веками испытывал нехватку продовольствия. Рис выращивался на южных равнинах. Продовольственная проблема в КНДР стояла очень остро с момента создания республики. Ее еще более обострили прекращение связей между двумя частями Кореи и война 1950—

1953 годов. Это делает понятным значение титанической борьбы за рис в КНДР. И здесь уже достигнуты большие успехи. Сборы зерна увеличились почти в пять раз, приблизившись к 10 миллионам тонн. К концу текущего десятилетия намечено довести производство зерна до 15 миллионов тонн. Мало что в истории не только этой небольшой республики, но и всей Кореи можно сравнить с ведущимися ныне работами по широте замысла и размаху. Корейцы говорят об этом как о чуде, творимом руками людей.

О масштабах ведущихся на побережье работ говорят цифры. В низовьях Тэдонгана на морской акватории возводится восьмикилометровая плотина высотой до 28 метров. Она вместе с уже построенной Муранской плотиной образует искусственное озеро объемом в 3 миллиарда кубических метров воды.

Это будет самое крупное в КНДР водохранилище. Главный объект строительства — плотина. Очень остроумно ее инженерное решение. Насыпная часть дамбы делается традиционным способом, а бетонная — из огромных конструкций ящичной формы. Каждая из них весит около 10 тысяч тонн. Такие махины создаются прямо на берегу моря в глубоком котловане, который затопляется, и конструкции буксируются к месту их укладки и последующего заполнения камнем.

По плотине пройдут железная дорога и шоссе с двусторонним движением. Кроме того, будут построены три шлюза для пропуска судов водоизмещением 10, 20 и 50 тысяч тонн. Предполагается создать в теле плотины рыбоброд, чтобы не нарушить движение морских рыб на нерест в Тэдонган. Уровень этой самой большой реки КНДР поднимется на 6 метров, и Тэдонган станет постоянно доступным для морских судов до самого Пхеньяна. Будет обеспечено гарантированное снабжение пресной водой населения и промышленных предприятий столицы и ее городов-спутников. Часть воды поступит в оросительные системы.

Иначе говоря, гидротехнические работы, ведущиеся на берегу Желтого моря, в 20 километрах на юго-запад от города Нампхо, позволят решить целый комплекс проблем.

Этот, равно как и другие объекты гигантского комплекса на побережье Желтого моря спроектированы корейскими учеными и инженерами. Оборудование для них — мощные насосы, генераторы, стальные шандоры

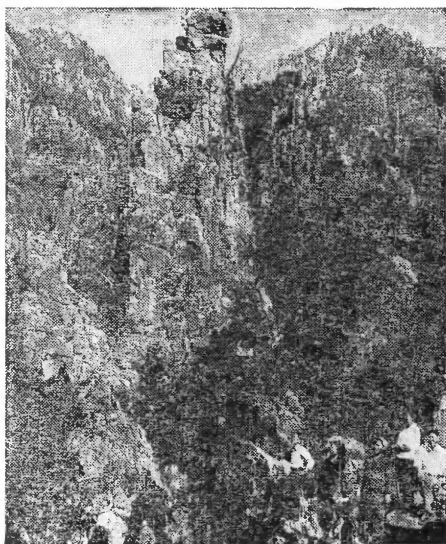
шлюзов, а также все механизмы для строителей — экскаваторы, бульдозеры, самосвалы, многокилометровые ленточные транспортеры, морские баржи — изготавливаются преимущественно корейскими рабочими, на корейских заводах.

Размах и интенсивность ведущихся работ исключительно велики. К концу 1980 года дамбами было огорожено свыше 70 километров береговой линии, освоены тысячи гектаров земли, любовно обработанной, удобренной. Людям здесь помогает сама природа. В отличие от районов на противоположном берегу Желтого моря западное побережье Кореи — благодатный край, овеваемый влажными, а не насыщенными песком и лёссовой пылью ветрами. Тут не только создаются новые поля, но и формируется человек новой, социалистической Кореи.

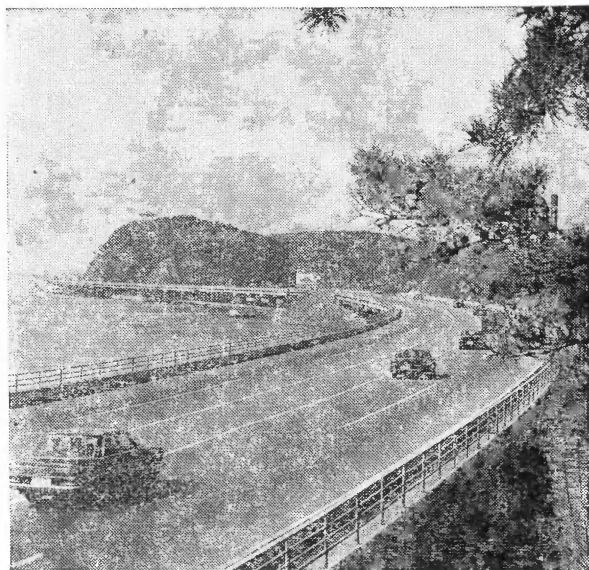
Издавна побережье было малонаселенным районом. Специалисты-механизаторы, рабочие различных профессий прибывали туда из промышленных центров и сельскохозяйственных кооперативов близлежащих провинций. Это были по преимуществу молодые энтузиасты, стремившиеся попасть на главные участки работ — острова Тэхвадо и Синмидо, а также на Пуянский и Сахенский солончаки. Техническое оснащение стройки очень быстро совершенствовалось. Промышленность присылала 25-тонные самосвалы, плавучие краны, экскаваторы и баржи для перевозки гранитных монолитов, принимающих на себя удары моря и тем самым защищающих дамбу. Стал действовать гигантский ленточный конвейер, поставляющий материал для дамбы. Он начинается на вскрышных горнорудных разработках и за день доставляет более 50 тысяч тонн бутового камня, щебня, песка.

Конечно, отвоевать у моря земли под рис — это главная задача. Но ведущиеся работы преследуют и другие цели. Дело в том, что на западном побережье по крайней мере десять заливов пригодны для создания плотин и гидроэлектростанций, работающих на силе морских приливов и отливов. Ученые из Пхеньянского научно-исследовательского института гидротехнических сооружений подсчитали, что такие электростанции смогут дать суммарную мощность в пределах 10 миллионов киловатт.

Ведется строительство одной из крупных электростанций подобного типа. Она сооружается недалеко от Ынрюльского рудника. Из пустой породы, снятой при

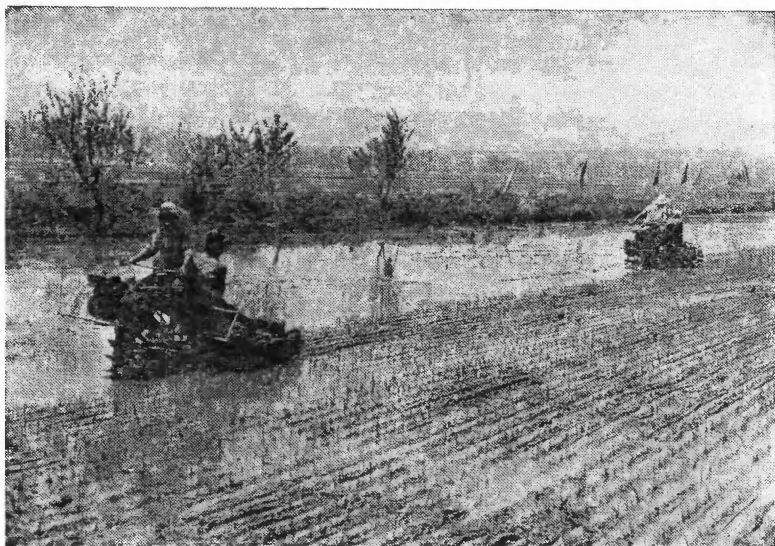
Алмазные горы

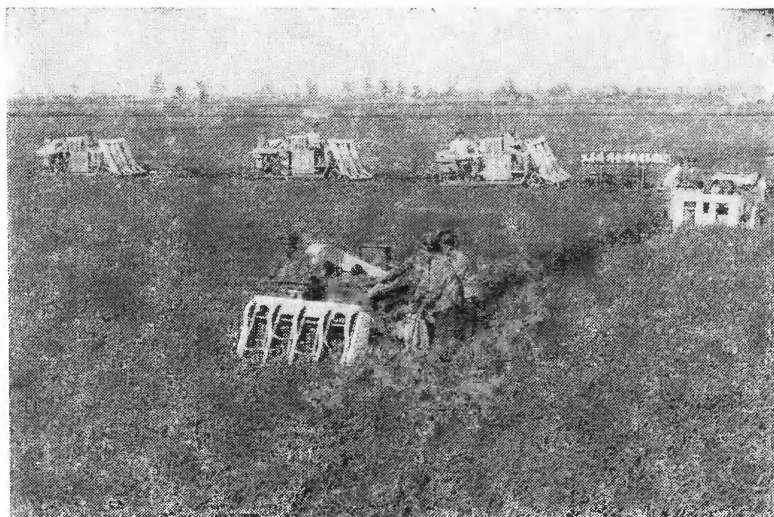
Автострада на побережье

В госхозном саду. Сбор яблок на экспорт

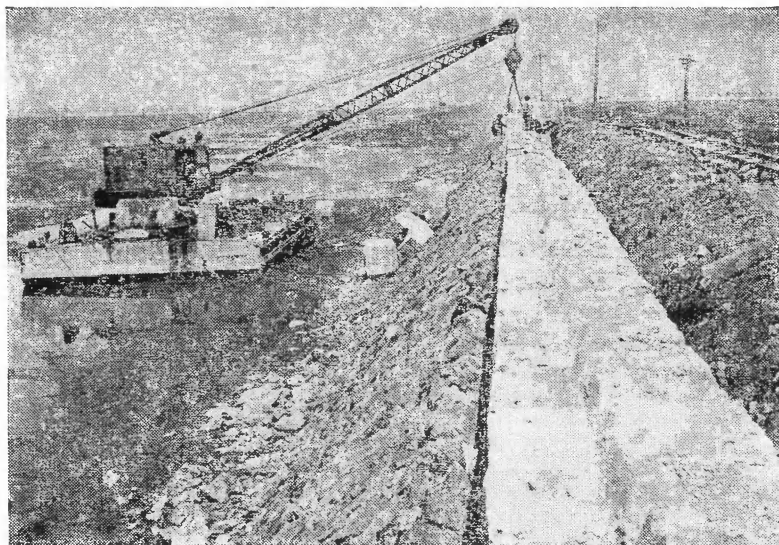
Высадка рисовой рассады

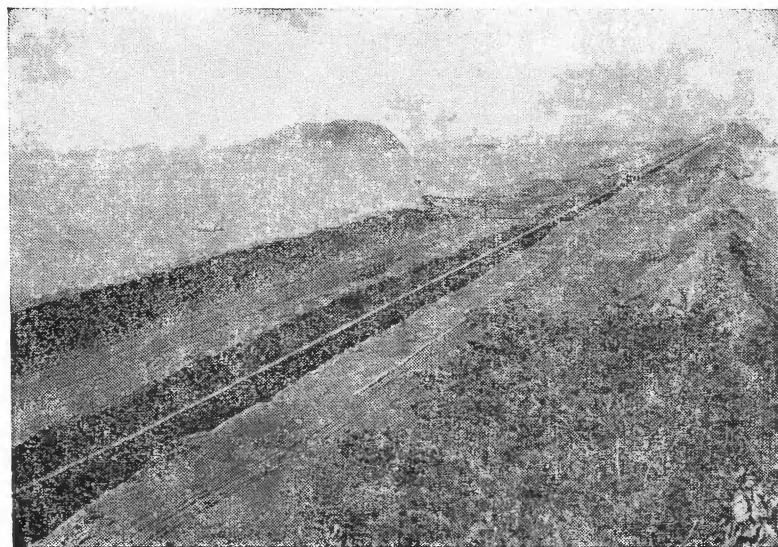
Рисоуборочные комбайны

Урожай такого риса превысит 100 центнеров с гектара

Сооружение дамбы

Перекрывшая залив плотина

вскрышных работах, насыпается многокилометровая дамба, которая должна отгородить более 5 тысяч гектаров заливаемой приливами площади побережья. Часть этой площади отойдет под водохранилище электростанции мощностью 160 тысяч киловатт, другая часть — под поля.

Новые земли на побережье Желтого моря будут отведены не только под рис. У устья Амноккана десять островов, соединенных дамбами, образовали как бы один остров, названный Пидансон. На этих островах раскинулись поля плантационного камыша. Создан специальный комплекс по дальнейшей переработке этого растения. В него входит химический комбинат, вырабатывающий волокно из камышового сырья, а также текстильная фабрика. Оба предприятия расположены у города Синьджу и связаны с островами с помощью катеров и барж. Плантации, занимающие 5 тысяч гектаров, ежегодно дают 60 тысяч тонн камыша. Из него комбинат вырабатывает 20 тысяч тонн бумаги и картона и несколько тысяч тонн волокна для текстильной фабрики. Из смеси камышового волокна с виалонем выпускается 50 миллионов метров ткани.

Воды моря в зоне приливов — прекрасная среда для множества живых организмов. Поэтому ряд лагун сохраняется для искусственного выращивания устриц, трепангов, водорослей, мидий, то есть тех продуктов моря, которые наряду с рыбой играют важную роль в питании населения. Эти продукты служат и сырьем для фармацевтической промышленности. В зоне новых земель создается также бассейновое хозяйство солеварен.

На строительную площадку у Желтого моря я добирался на «газике» с двумя попутчиками — агрономом и инструктором уездного партийного комитета. Километров двадцать машина шла по прекрасному асфальту. Когда же съехали с трассы — у моих попутчиков были какие-то дела в поселке, — асфальтовая благодать закончилась. Проселочная дорога за долгие столетия была до того изъезжена, что опустилась ниже окружающих ее пашен и огородов: вместо дороги была широкая канава, вьющаяся вкривь и вкось. Из машины мало что можно было разглядеть. Мы убивали время в разговорах, порой довольно оживленных.

Агроном возвращался с симпозиума по масличным культурам, о которых говорил с большим подъемом. Было ясно, что это энтузиаст своего дела.

— Грецкий орех,—кричал он со страстью спорщика, как будто я собирался возражать ему,—у нас растет на самых неудобных землях: на крутых склонах сопок, обочинах дорог, свободных участках в поселках и деревнях. Иными словами, ему отдают те земли, которые не используются под зерновые и огородные культуры. А ведь орех очень нужен. Это сырье для производства пищевого масла. Вы не были в Сойпудоне? Очень жаль. Там бы вы увидели дерево, которое плодоносит уже около двухсот лет. Его крона раскинулась более чем на триста метров вокруг, а орехов собирают до пятидесяти тысяч штук. Сколько из них, как вы думаете, можно выжать масла? Почти тридцать килограммов!

Агроном оказался бесценным рассказчиком. От него я узнал, что масло в Корее производят из семян и плодов не только культивируемых растений, но и по крайней мере из пяти дикорастущих. Сюда входят, конечно, орехи, а также семена колючего дурнишника, которые дают до 20 процентов масла, идущего на производство мыла, типографских красок и других изделий.

— Дикоросы мы сравниваем с большим заводом, который почти без затрат человеческого труда и электрической энергии снабжает пищевыми продуктами, лекарствами, волокнами для дорожных тканей, дубильными веществами,—говорил мой собеседник. — Многие из деревьев и трав, которые прежде считались бесполезными, теперь имеют значительную ценность. К примеру, дикая груша. Ее у нас много. Плоды небольшие, не крупнее каштана, но висят они на ветвях так плотно друг к другу, как виноград в гроздьях. Дерево сгибается под их тяжестью. Теперь плоды дикой груши — незаменимое сырье для производства крепких напитков, а грушевый жом — хорошая добавка к корму свиньям. Или вот желуди. В них до сорока процентов крахмала. Мука из желудей — отличный корм скоту. Она и сырье для виноводочной промышленности: из пяти килограммов желудевой муки получается литр водки.

Агроном говорил далее о том, что за свою долгую историю корейцы накопили богатый опыт применения дикоросов в качестве лекарств. Ныне около трехсот различных трав, а также листья, кора, почки и цветы деревьев и кустарников используются в медицине. Ученые открывают все новые и новые виды сырья для фармацевтической промышленности, создают атласы местных растительных ресурсов.

А как интересно он рассказывал о яблоневых садах! В каждой фразе чувствовалось воодушевление человека, влюбленного в свою профессию.

Партийный работник внимательно слушал и временами, обращаясь ко мне, бросал: «Вот видите» — или другую короткую фразу, стараясь не перебивать агронома. Но подошла очередь говорить и ему. Темой стала публикация в пхеньянских газетах отповедей американскому журналисту Г. Солсбери в связи с его репортажами из Пхеньяна. Наряду с правдивыми словами он повторял сеульские измышления, обидные для трудящихся КНДР. Особенно возмущали рассуждения американца о будто бы существующем в республике пренебрежении к духовным потребностям простых людей, о том, что коллективная жизнь принижает, обезличивает человека, что все люди на Севере — какое-то одноликое многомиллионное племя, живущее одинаковыми мыслями, что нет там индивидуальностей.

Я отвечал, что кому-кому, а советским людям это очень понятно. Сколько ушатов лжи и грязи выливается вот такими гастролерами, которые, побывав десяток дней в стране, считают, что все увидели, во всем разобрались... Инструктор не дал мне договорить до конца.

— Нет у нас пренебрежения к уму людей,—волновался он. — Ум — это как раз то, что мы окружаем особым почетом. Где он увидел обратное?

Потом продолжал:

— Мы не задаем себе вопроса, ради чего работаем. Тот, кто знал цену бессонным ночам, знает цену и обретенному сну, тот, кто тяжело болел, познал и радость выздоровления. Мы пережили много несчастий: страшную войну, разруху, полуголодные дни. Дорого заплатили за нынешнюю счастливую жизнь, знаем ей цену и своим трудом делаем ее еще лучше. Этого не понял американец.

Я разделял волнение этого человека, его жажду правды, справедливости.

На стройке мне довелось встречаться с рабочими, инженерами и техниками, видеть своими глазами, как велики масштабы программ создания пашни на месте моря. Как это нередко бывает, сложившееся наперед представление не совпадало с действительностью. Здешние работники на собственном опыте убедились, что природу

можно победить, только глубоко изучив ее, зная ее законы, следуя им. За отступление от этого правила на первых порах пришлось дорого платить.

Я восхищался героизмом строителей, проявляемым в особо критических ситуациях. Не раз беседовал с ними. Корейцы вежливо слушали, а потом говорили примерно так: «У хороших всадников лошади вообще не встают на дыбы». И тут же подчеркивали, что передовых и смелых у них уважают, хвалят. Но, дескать, нельзя и переступить границы. Случается, что словословие препятствует совершенствованию. Трудовые подвиги они считали обычным делом и даже как бы оправдывались, мол, сделали еще мало, хотя и понимали — это лишь начало и не все средства и возможности исчерпаны.

— Мы стараемся изо всех сил, но сил у нас не больше, чем у других,—говорили одни.

— Все дело в том, что мы начали на пустом месте, а наши ресурсы ограничены, наши расчеты не всегда оказывались точными,—объясняли другие.

На новых землях я беседовал с крестьянами-кооператорами, деловыми администраторами, занятыми одновременно многими проблемами, которыми всегда наполнена повседневная трудовая жизнь.

— Недостатки? Не надо обманываться на этот счет,—говорили мне. — Где их не бывает? Разве что у нас их меньше, чем у соседей.

Во время одной из таких бесед в доме председателя сельскохозяйственного кооператива Муна к нам то и дело забегали крестьяне, которым хотелось посмотреть на гостя из Советского Союза. Старики и молодые парни, пожилые крестьянки и девушки, любопытные и доброжелательные.

У Муна умное лицо. Он простой крестьянин, типичный представитель сельских тружеников, ничем не выделяющийся из их среды. Но как председатель кооператива он умеет руководить — убеждать, быть требовательным, непреклонным. С ним и группой кооператоров я ходил по земле, ценою тяжелого труда отвоеванной у моря, у засоленных лагун и болот. Мы любовались аллеей молодых тополей, высаженных вдоль дороги. Кооператоры говорили о достижениях, о том, как тяжело было вымывать из земли морскую соль, накопившуюся в ней за тысячелетия, как удастся очистить от камыша эти места, рассказывали о селекции риса. Казалось, все эти люди сплочены в одну большую, дружную семью.

Человеку, знавшему прежде корейских крестьян, легко было заметить, как выросла их общественная активность, развилось чувство ответственности, критическое отношение к недочетам, непримиримость к недостаткам. Крестьяне чаще размышляют о пользе или вреде для страны, для общего дела своих личных поступков, своего труда. Общественные дела у них на первом плане, а потом уж личные. Простые крестьяне не боятся высказывать критические замечания, вносят деловые предложения. Приведу несколько ответов крестьян и бригадиров на мои вопросы.

— Да,—отвечал крестьянин на мой вопрос,—собраний у нас много. Я бываю на них. Считаю, что они нужны.

— Нет, меня куда не избрали.

— Да, на собраниях выступаю. Но редко. Речи у меня не получаются. В мыслях вроде все гладко, складно, а начинаю говорить, забываю половину того, что надо сказать. — Потом под общий смех добавил: — К тому же, когда выступает председатель Мун, то уже никто не вернет и полслова...

— О чем я говорил в последний раз? О неповоротливости правления. Разве когда-нибудь бывает так, чтобы решительно все шло удачно, как по маслу? Нет, не бывает. А наше руководство хочет, чтобы все было именно так.

Бригадир Че — обыкновенный рисовод. Он носит широкие штаны и самодельную соломенную шляпу; любит землю и работать на ней. Говорил Че от души, отличался независимостью суждений, не удерживался от острого словца, давал характеристики окружающим. А все это не каждому нравится. Случалось, что его балагурство и срывы не прощали, да и самому Че нередко было стыдно за свою резкость, не говоря уже о том, что многим она доставляла неприятности. Я обратил на это внимание бригадира. Он, было затихший, вновь разволновался и сказал:

— Нет, не потому, что наступаю другим на ноги, виной не мое острословие. У нас почему-то получается: тот, кто больше болеет за общее дело, наживает себе не только друзей, но и недругов. И хуже всего то, что больше других нападают отсталые, а передовые защищают редко.

Мне показалось, что при последних словах Че укоризненно посмотрел на председателя Муна.

Вечером в кооперативе состоялось собрание, посвященное корейско-советской дружбе. И здесь я в который раз убедился в том, как корейцы уважают нашу страну. Собравшиеся искренне аплодировали при упоминании о Советском Союзе.

Председатель Мун не мешкая приступил к делу — открыл собрание. Сам он требовал ясности в изложении — побольше мыслей, поменьше эмоций. Но на этот раз Мун отступил от своих правил. В его речи было столько же чувств, сколько и мыслей. Он начал с вопросов и ответов на них: «Сколько у нас врагов? — Много. А сколько друзей? — Больше, чем врагов. И самый верный — Советский Союз...»

Его слова были достаточно сильными, чтобы увлечь людей. Они походили на те камни, которые дают толчок могучей лавине. По рядам слушателей прокатились возгласы одобрения. В помещении бушевал радостный человеческий прибой.

На другой день председатель Мун не без гордости знакомил меня с парком сельскохозяйственных машин. Социалистическая индустрия республики дает рисоводам такие механизмы, которые используют во все периоды выращивания риса, начиная от вспашки и кончая обмоломом и просушкой зерна. В 1958 году на заводе «Кымсон» был выпущен первый корейский трактор. Через восемнадцать лет, к концу 1976 года, на каждые 100 гектаров пашни уже приходилось в среднем по три «железных быка». (На VI съезде Трудовой партии Кореи в октябре 1980 года была поставлена задача добиться того, чтобы на 100 гектаров обрабатываемых площадей приходилось не менее десяти тракторов различных типов.) Были построены еще два тракторных завода: Имени 25 сентября и «Чхунсон». На последнем производятся малогабаритные тракторы, специально приспособленные для террасированных полей и огородов. Наряду с полевыми машинами промышленностью производит оборудование для шахтных и артезианских колодезь с подъемом воды при помощи электроэнергии, насосные агрегаты, дождевальные машины, способные орошать с одной позиции несколько гектаров земли.

Свою лепту в общее дело вносят корейские селекционеры. Столетия людей не покидала мечта о кусте риса с несколькими стеблями и **девятью метелками на стебле**. Если прежде кому-то удавалось вырастить такое чудо, то это считалось счастливым предзнаменованием.

Благодаря труду корейских ученых мечта стала былью. Академик Ли Гибок рассказал, что на опытных участках из одного зернышка выращены четыре десятка стеблей, увенчанных несколькими метелками с десятками зерен в каждой. «Природа явила этот феномен, чтобы показать, как велики наши возможности. Создать сорт — вот задача», — говорил Ли Гибок.

С профессором Каном, другим крупным селекционером, мне долго не удавалось встретиться: он уже несколько десятков лет работает в провинции и редко появляется в столице. Помог, как это часто бывает, случай. В Пхеньяне проходила сессия Верховного народного собрания. Он участвовал в ее работе.

Профессор начал беседу с того, что перечислил древние книги и другие источники, свидетельствующие о том, что рис возделывается в Корее уже более двух тысячелетий.

— Нелегко улучшать такую старейшую культуру, — отметил ученый. — Но мы это делаем. Более того, выводим новые сорта. — Тут профессор стал нанизывать, как бусы, труднопроизносимые названия новых сортов, перечислять их номера. — У нас есть теперь рис, довольно устойчивый к полеганию. У него кроме крепкого, невысокого стебля, хорошо развитой корневой системы есть еще одно прекрасное качество: он не раскидывает далеко в стороны метелки, и потому посадка может производиться гуще, чем обычно. Есть и скороспелый сорт. Он вызревает менее чем за сто дней. Его можно высаживать после ячменя или пшеницы. Законы природы последовательны и логичны до жестокости. Нельзя ставить растение вне этих законов. Оно погибнет. В работе по селекции надо проявлять много чуткости, любви к растениям. Натолкнувшись на стену, надо обойти ее, а не биться головой с разбегу...

Корейские рисоводы — это люди очень смелых планов, но в повседневной работе скрупулезны и терпеливы, и поэтому они успешно решают новые перспективные проблемы.

Наука уже дала практикам высокоурожайные сорта риса, распространившиеся по республике и за ее пределами. Размах исследований очень широк. Ведутся, например, опыты с водорослями, способными снабжать рис азотом, выводятся новые сорта для разных климатических условий, меняющихся в зависимости от вертикальной зональности.

Корейцы пока не отказались от высаживания риса вручную, несмотря на то что это требует много дополнительного труда. Ростки, выращенные загодя и потом пересаженные на поле (на один гектар более полумиллиона), не только дают прибавку урожая до 20 процентов (отбираются сильные экземпляры), но и опережают в росте сорняки и тем облегчают борьбу с ними.

Тяжелый ручной труд по пересадке рассады теперь заменяют машины. Например, довольно распространена рассадосажалка «Тэдонган-6», которую прицепляют к трактору. Помимо тракториста ее обслуживают две работницы. Они выполняют работу тридцати сажальщиков. За один день с помощью такого агрегата засаживается площадь в два гектара и более. Инженеры и конструкции постоянно работают над созданием новых, более производительных рассадосажалок.

Быстрый подъем рисоводства (сейчас в КНДР выращивается больше, чем до освобождения страны во всей Корее) был бы немислим без развития промышленности химических удобрений. Крупнейшей базой по их производству стало Хыннамское производственное объединение. Его предприятия производят азотные удобрения, суперфосфаты. Выпускаются также гербициды, пестициды и десятки других химических продуктов для сельского хозяйства. Количество минеральных удобрений, вносимых на каждый гектар возделываемых полей, превысило полторы тонны. При этом не ослаблено, а напротив, усиливается внимание к сбору и внесению в почву органических удобрений: навоза, компостов, бытовых отходов, птичьего помета и прочего.

Труд неутомимых людей дал свои позитивные результаты. Во многих частях республики урожаи риса достигают до 10 тонн с гектара. На VI съезде ТПК указывалось, что средняя урожайность этой культуры по стране находится на рубеже 72 центнеров с гектара. А в провинции Северная Хамгён, в Чхонджинском сельскохозяйственном кооперативе, на одном участке было собрано в среднем по 238 центнеров с гектара. Это небывалый урожай в истории выращивания риса в КНДР.

На меня всегда производили большое впечатление корейские крестьяне — экономные, но не скарденые. Бережливость и трудолюбие — это самые дорогие сокровища их морального кодекса. Сейчас к этим ценностям добавилось сознание необходимости, исторической значимости труда, чувство ответственности за общее дело.

Корейский крестьянин — превосходный работник и знаток своего дела, особенно когда оно касается риса или другой традиционной культуры. В страдную пору все трудоспособное население с рассвета и до сумерек работает на пашне. Для них труд необходим как воздух. Перед ними не встает вопрос, используют ли они все свои возможности или только часть их. Они целиком отдают себя работе.

При первом общении с ними бросается в глаза их искренность, лаконичность и выразительность их речи, а также традиционно уважительное отношение к труду. У крестьян очень популярны выражения: «О великом значении труда красноречивее других вам поведают бездельники»; «бережливость не признают те, кто живет сегодняшним днем и у кого нет будущего».

Я часто размышлял о характере корейского крестьянина. Он умеет уступить, признать свои недостатки и чужие достоинства, считает, что неудача — хороший экзамен для человека. Он воздержан во всем, особенно в употреблении спиртного, а это закрывает путь в его сердце и другим порокам.

Сельские труженики не дают себе поблажки в мелочах, зная, что любое послабление добром не кончится. Они непримиримы и даже беспощадны, когда речь идет о лени, расточительстве, разгильдяйстве. Вместе с тем выражение дружбы, сочувствия в трудные минуты радует их, как детей. В их делах и речах слышен отголосок традиций. Потребовались века, чтобы в них накопились сила и мудрость, подобно тому как для выдержки хорошего вина нужны десятилетия.

Частная, семейная жизнь крестьян подчинена традиционным правилам. Отношения между членами семьи, с посторонними, прием гостей — все предусмотрено до подробностей. Отец и мать долго сохраняют власть над детьми. Сыновья, женившись и уже имея собственные семьи, не могут послушаться родителей.

У некоторых складывается представление, что корейские крестьяне молчаливы и угрюмы. Однако это не так. Они радуются жизни, наслаждаются даже маленькими радостями. Увидев или услышав что-нибудь забавное, они расплываются в улыбке, а то и разражаются хохотом. Им никогда не изменяло чувство юмора, спасая их от отчаяния и помогая сохранять бодрость.

Какими бы корейские крестьяне ни были искусными мастерами возделывания риса, какими бы достоинства-

ми они ни обладали, успех их труда порой зависит от случайностей. Сельское хозяйство в большей мере, чем промышленность, подвержено капризам природы, хотя и меньше, чем в прежние времена. Оно страдает от наводнений и засух, от многолетней эрозии почв. Людям великим трудом приходится отстаивать земли, которым грозят неукротимые силы природы.

Особенно опасны тайфуны, каждое лето бесчинствующие над Корейским полуостровом. Эти чудовищные ураганы выкатывают на берега водяные валы высотой до 10 метров и мощностью в миллионы лошадиных сил. Они срывают крыши с домов, валят на землю фабричные трубы, вырывают с корнями деревья и играют ими, как щепками. Ошалевшие волны переворачивают рыбацкие суда вверх дном, показывая их осмоленные днища. Тайфуны сопровождается громада туч, солнце гаснет, и вокруг становится темно как ночью. На сопки и узкие долины обрушивается ливень, ревуший, как водопад. Вода низвергается с небес потоками, образуя стену, через которую на расстоянии 5—10 метров ничего не видно. Такое выпадение осадков в течение короткого времени — подлинное бедствие для сельского хозяйства и вообще для страны.

В пору тайфунов преображаются реки. Разбушевавшись, они сносят мосты, разрушают дороги, дамбы, целые селения — словом, все, что попадает на пути. Корейские реки невелики, но имеют много притоков. Когда бушуют тайфуны, они не могут принять всей массы воды, и она разливается по полям, поднимаясь все выше и выше. Кажется, что на землю двинулся немилосердный бескрайний океан. Летом 1967 года во время тайфуна воды Тэдонгана хлынули через гребень дамбы, защищающей корейскую столицу со стороны реки. Спасение ряда районов Пхеньяна превратилось в подлинный новокорейский эпос.

После ураганов ветров и паводков рис полегает, зачастую его заносит илом. Начинается тяжелая работа по уборке урожая.

Люди бессильны перед яростью ветра и воды. Но в таких бедствиях повинна не только природа. Человек и его деятельность на земле сыграли весьма неблагоприятную роль. Постараюсь объяснить, в чем тут дело. **Однажды, лет тридцать пять назад**, я смотрел с борта самолета на совершенно безлесные корейские сопки. Они вплотную подходили к Японскому морю. Изумрудная

зелень воды еще более подчеркивала и делала невыносимой их унылую желто-бурую окраску. А ведь на этих сопках когда-то была растительность. Однако люди уничтожили ее, безжалостно оголили землю. Леса остались только в высокогорных районах, откуда трудно было вывезти спиленное дерево. Там еще стояли великаны тайги, напоминая о том, какими были корейские леса.

Вырубка повлекла за собой изменение режима рек. Ливни, кончавшиеся наводнениями, уничтожали посевы, жилища и хозяйственные постройки. Занесенные песком и галькой, погибали посевы. Не стало лесов, и уже ничто не задерживало дождевые воды. Когда же заканчивался период таких кратких, но бурных паводков, реки мелели или пересыхали.

После изгнания колонизаторов Народная Корея взялась за новые дела, в том числе и за лесопосадки. «Горы тверды, но они не тверже нашей решимости. Горы высоки, но они не выше наших стремлений»,—гласили лозунги. Надежды не покидали тех, кто хотел надеяться.

Предстояло вновь одеть в зеленый наряд корейские горы. Правительство КНДР объявило лесопосадки одной из важных хозяйственных задач. Нелегко было добиться того, чтобы стар и млад участвовали в создании новых лесов, чтобы все уяснили себе, какое это нужное дело, поняли, что любить природу — значит мало брать у нее и много давать ей.

За годы народной власти более чем на миллионе гектаров высажены леса, не считая десятков тысяч гектаров, засаженных каштанами. Площадь садов теперь в сорок раз больше, чем до освобождения: под ними 300 тысяч гектаров земли. На побережье фруктовые посадки окружены высокими живыми стенами из кипарисов и тополей, представляющих хорошую защиту от ветров. Сколько благодарного внимания уделяют люди каждому приносящему плоды дереву!

— Фруктовое дерево, как человек,—говорили мне молодые кореянки в госхозном саду. — О нем надо постоянно заботиться. Необходимо знать, холодно ему или жарко, хочет ли оно пить. А если оно заболело, то надо знать, каким лекарством следует лечить, какую давать дозу.

Главные производители фруктов в КНДР — государственные плодородческие хозяйства — госхозы. Самый крупный имеет 8 тысяч гектаров яблоневых посадок.

Они протянулись полосой в 50 километров по прибрежным дюнам. Фрукты выращивают не только госхозы, но и сельскохозяйственные кооперативы, многие промышленные предприятия и учреждения.

Площади лесопосадок раскинулись почти на двух десятых территории республики. Продолжающаяся закладка лесопитомников говорит о том, что посадка деревьев носит характер не временной кампании, а что это задача многих лет.

Новые леса лучше старых, поскольку теперь сажают те дерсвья, которые нужны — и для производства лесоматериалов и целлюлозы, и ради необходимых людям плодов. Это сосна, корейский кедр, около десяти видов дуба, орех, тис, орешник, шиповник и другие плодоносящие кустарники. (Учащиеся средних школ КНДР уже несколько лет заняты выполнением обязательства: посадить один миллион гектаров ореховых деревьев и кустарников.) О большом внимании к ореховым насаждениям говорит то, что за семилетие планируется засадить волошским орехом около 50 тысяч гектаров. Часть посадок, например тополя, предполагается позже заменить другими.

Если бы понадобилось одним словом определить самое главное, чем живет республика, то слово это было бы — созидание. Поднялись из праха города, отвоевываются у неуступчивой природы тысячи и тысячи гектаров земли, на которой уже растет рис, шумят молодые леса.

Нелегким трудом добывают крестьяне свой хлеб, строят свое благополучие. Они сделали очень много на пути того великого обновления, которое называется строительством социализма. Вместе со всем народом рисоводы преобразуют землю, меняют ее облик.

Хороша природа Корейской Народно-Демократической Республики. Она скорее приветлива и ласкова, чем крута и жестока. Прекрасны зеленые сопки с молодыми, пушистыми лесами; песчаное побережье Японского моря со скалистыми островами и зелеными соснами, спускающимися прямо к воде; яблоневые сады по террасам гор и холмов; ослепительно желтые поляны рапса в пору его цветения; деревья, увешанные рдеющими персиками или оранжевой хурмой. А среди всего этого дома, крытые морковно-красной черепицей, окруженные яблонями и каштанами. Но ни с чем не сравнима зелень рисовых полей...

Испытываешь некоторую робость, начиная писать с женьшене (по-корейски инсам), этом самом прославленном растении Восточной Азии. Как кокон шелкопряда опутан тонкими нитями, так и женьшень окружен мифами и преданиями, в которых причудливо смешались правда и вымысел. В его честь слагались панегирики, веками ходила молва как о корне жизни, долголетия, как о средстве, с помощью которого можно сохранить вечную молодость, поддерживать постоянную бодрость. Ему даже приписывали способность делать из глупцов гениев. Его называли лечебным чудом, подлинной панашеей, величайшим счастьем для рода человеческого.

Внешнее сходство корня с человеческой фигурой, подчас поразительное, порождало мистический экстаз. Женьшень часто наделяли такими достоинствами, которых он вовсе и не имел, в том числе и сверхъестественной силой.

Считалось, что он может превращаться и в человека, и во всякое живое существо, равно как и в неодушевленные предметы. Поэтому его трудно найти. Если искатель увидел в лесу какого-нибудь зверя, необычное растение или причудливый камень и очень испугался, а увиденное тотчас исчезло с глаз долой, то это был женьшень! И прийти на это место вновь можно было только через год. Если по счастливой случайности удавалось найти здесь женьшень, то совершался торжественный ритуал выкапывания.

Искатель тщательно приглядывался к местности, к травам, кустам и деревьям, изучая, как расположен найденный женьшень по отношению к солнцу и господствующим ветрам, затем падал на колени и долго произносил молитвы, благодаря духов за удачу.

После этого извлечение корня шло по обычному порядку. Женьшенщик разгребал руками траву и внимательно осматривал само растение, а также изучал все вокруг. Возможно, женьшень уже не один раз давал семена, и они где-то поблизости проросли. Убедившись, что здесь только один стебель, искатель осторожно раскапывал землю и, как только показывался корень, произносил заклинания. После этого уже не пальцами, а специальной костяной палочкой он отделял землю, да так, чтобы не повредить ни корень, ни мочки. Извлеченный жень-

шень он помещал в берестяную корооку, обложенную внутри мхом.

Долго верили в то, что женьшень зарождается из молнии по воле духов, которые обитают далеко за облаками. Они посылают на землю дожди и молнии, то есть воду и огонь. Эти две стихии — начало жизни. Они — добро и зло, свет и тьма, движение и покой и пребывают как в вечной вражде, так и в вечной гармонии. Если туда, где из земли бьет холодный ключ, ударит молния, то ручей исчезнет навсегда, уйдет глубоко под землю, а на его месте вырастет чудесный корень, наследующий и силу небесного огня, и чистоту источника.

С давних времен люди пытались объяснить это непонятное им явление природы. Пытливые умы стремились разгадать тайну происхождения корня жизни. Лекари, колдуны, священники возводили на этот счет всевозможные «теории», мало соответствующие действительности. Однако народ предпочел этим измышлениям свое творчество — поэтические легенды и сказания. В одном из таких сказаний повествуется, что недалеко от священной горы Пэктусан жили два больших и знатных рода. Они постоянно враждовали друг с другом. В одном роду был знаменитый воин Инсам. Он отличался большой отвагой, защищал слабых, был справедлив и великодушен. Гордостью другого рода был прекрасный и сильный Саньшихо. Но он стал разбойником и вместе с такими же, как и он сам, нападал на соседей, грабил купцов, убивал путников на дорогах. Инсам давно уже собирался образумить Саньшихо, однако им никак не доводилось встретиться.

Однажды Саньшихо напал на Инсама, в схватке был побежден и пленен. Его заковали в цепи и посадили в яму. Разбойник погиб бы там, если бы на помощь не пришла девушка, сестра Инсама, которая влюбилась в пленника, помогла ему освободиться от цепей и выбраться из ямы. Как только наступила ночь, они бежали в горы.

Инсам бросился в погоню и очень скоро настиг беглецов в неприступном ущелье. Девушка спряталась за камнями, а Саньшихо приготовился к единоборству с Инсамом. Могуч был Саньшихо, а Инсам ловко владел мечом. Он нанес смертельный удар в грудь Саньшихо в тот самый миг, когда девушка вышла из укрытия и окликнула брата по имени. Инсам обернулся, и это погу-

было его. Собрал последние силы, Саньшихо вонзил острый меч в горло врага. Оба упали замертво.

Долго красавица оплакивала и своего возлюбленного, и брата. Она стенала до тех пор, пока вся не высохла и не превратилась в былинку. На месте, где пролились горючие слезы, вырос женьшень.

А вот еще одна легенда, возникшая по всем признакам не среди простолюдинов. Когда-то женьшень рос в Китае, и об этом никто не знал. Великий древнекитайский философ Лао-цзы открыл целебную силу корня и рассказал о ней людям. Они начали безжалостно истрещать женьшень, и он вынужден был переместиться в горы на север Китая. Но люди и там добрались до него. Тогда женьшень скрылся в Корее в Уссурийском крае, где прожил безмятежно много веков. Однако и здесь его покой был нарушен.

Три брата прослышали о целебной силе корня и отправились на его поиски. Претерпев немало лишений и побывав в многочисленных схватках с местными племенами, они оказались в таких зарослях, через которые не проникал даже солнечный луч. Не найдя оттуда выхода, братья погибли. С тех пор их души бродят по дебрям, разыскивая женьшень, перекликаясь между собой. Если искатель услышит их хохот и крики, ему следует повернуть в противоположную сторону, иначе он не только ничего не найдет, но и расстанется с жизнью.

Не знаю, почему эти легенды похожи на сказания других народов земли. Может быть, потому, что везде ждут от героев благородства, великих свершений. А возможно, из-за сходства человеческого опыта. Одно могу сказать: немудреные эти легенды не умирают и сейчас приносят людям радость и надежду на счастье.

Небольшому корню как всеильному и прихотливому владыке многие служили самозабвенно, не считаясь с тяжелым трудом. С увлечением, как золотоискатели, отправлялись в путь на поиски сокровища. Для этих детей тайги корень был большим божеством, чем сам бог. Он манил редкой возможностью разбогатеть, ибо стоил во все времена бешеных денег.

Каждый год, начиная с июля, тысячи людей уходили на поиски. Еще в двадцатых годах в советском Приморье женьшень собирало около тридцати тысяч искателей, преимущественно китайцы и корейцы. В Восточной Маньчжурии и на севере Кореи их было еще больше. Внешне искатели были очень похожи друг на друга. Все

они носили передники из вываренной в олифе грубой ткани, защищавшие от росы. На поясах у них висели барсучьи шкуры, которые они клали на сырой валежник, перед тем как сесть на него. В руках женьшенщиков всегда была палка для разгребания травы. Кроме того, искатели носили в качестве талисманов деревянные бра-слеты.

Чем угрюмее и неприветливее горы, чем гуще тайга, чем чаще следы тигров, тем с бóльшим рвением шли женьшенщики. Они верили, что все эти страсти нагромождаются с одной целью: отогнать людей от того места, где растёт корень жизни.

Практичные корейцы уже давно стремились культивировать женьшень на грядках как обычное огородное растение. Около тысячи лет назад попытки искусственного разведения женьшеня увенчались успехом в государстве Корё, в районе нынешней деревни Дондон, на территории КНДР.

Уже тогда мистический туман, созданный вокруг женьшеня, начал понемногу рассеиваться. Люди реже падали на колени, застывая в молитве перед этим небольшим растением. Бог становился полубогом. Постепенно, шаг за шагом выяснялись некоторые стороны механизма его воздействия на человеческий организм. Но писать об этом, а тем более оценивать исследования — не по моей части. Я хочу только пересказать то, что слышал в Корее о женьшене, поделиться впечатлениями от того, что видел, и познакомить читателя с людьми, посвятившими свою жизнь поискам дикого корня или его культивированию.

На зимние месяцы леса и горы здесь покрываются снегами. Зато летом природа предстает во всем своем очаровании. Бездонная голубизна неба, яркая зелень лесов и кустарников, пестрота усеянных цветами прогалин! И озвучивает этот редкий по красоте ландшафт неповторимый хор из множества шмелей и птиц. Правда, каждый год эти леса крушат могучие тайфуны, налетающие внезапно, с ревом и грохотом, как вырывающиеся из туннеля поезда. Это провинции Янган и Северная Хамгён, самый север Кореи, приподнятый на тысячу метров над уровнем моря. Он славился серебристыми лисицами, выдрами да соболями, шкуры которых отличались блеском и необыкновенной мягкостью. По естественным условиям эти места считаются идеально благоприятными

для произрастания дикого женьшеня. Полагают, что именно отсюда он распространился по лесным долинам Маньчжурии и по живописным падам советского Приморья.

Стояла осень. Разноцветное убранство леса, прохладные ночи и теплые, даже жаркие дни. Чистое небо бабьего лета; ни одна тучка не закрывала светило, а ночью яркая луна отливала золотом. Только горные дороги портили настроение. С точки зрения любых стандартов они, пожалуй, были худшими в мире. Это узкие, кривые просеки, извивающиеся по склонам сопки и пересекающие ущелья, зажатые отвесными скалами. На пути встретилось оленеводческое хозяйство, занимавшееся промыслом пантов, этого важнейшего сырья для фармацевтической промышленности. Оно размещалось в живописной долине.

До деревушки Чходэри пришлось добираться пешком, делая переходы от одного хутора до другого. Здешние жители не слишком ценили точность, не жалели своего времени и тем более чужого. К нам они отнеслись с добродушным пренебрежением, как к людям, ничего не смыслившим в сельском труде. Образ их мыслей, высказывания отличались благоразумием, фразы были просты, но полны смысла, речь отличалась немногословием, но была полна многозначительности.

Тех, кто живет здесь десятилетиями, можно считать бессмертными. Ведь это район энцефалитных клещей и ядовитых пауков. Выжить тут значило также не попасть в лапы тигра, не быть задраным медведем. Здесь возделываются мельчайшие клочки земли, на скудные плоды которой совершают набеги дикие кабаны, ведомые свирепыми секачами. Мне порой казалось, что местные горцы испытали добрую половину всех невзгод, которые только может предложить человеку судьба. Я терял в весе и расставался с иллюзиями, не раз обнаруживая, что пользуюсь не теми критериями при подходе к здешним людям, и даже ругал себя за то, что, отправляясь сюда, не оставил завещания.

Однако посетить эти места было интересно хотя бы с географической точки зрения, не говоря уж о том, что мне предстояли интересные встречи с женьшенщиками. Все злоключения стоило перенести, чтобы познакомиться с профессиональными искателями знаменитого дикого корня, целительная сила которого считается в несколько раз большей, чем плантационного.

Молодых людей не оказалось дома, они ушли на работу в леспромхоз, где останутся до весны. Старики грелись на теплых канах, коротая дни в воспоминаниях о прошлом. В комнате с двумя маленькими столиками ни лавок, ни стульев. (Некоторые корейские крестьяне считают, что в стульях, а тем более в мягких креслах любит гнездиться лень.) Разувшись, мы расположились на циновках, сложив ноги по-турецки. На стенах, кроме портрета Ким Ир Сена в застекленной рамке, ничего не было. Тут я услышал истории, за достоверность которых, конечно, поручиться трудно.

Сначала мы приглядывались друг к другу, и никто не отваживался начать. Наконец беседа потекла как бы сама собой, произвольно, будто встретились старые, добрые друзья. Мои хозяева и по характеру, и по образу мышления, и по всему жизненному укладу были настоящими корейцами. Я записывал все, что здесь говорили, стараясь не пропустить ни слова.

Сначала я спросил о детях, о тех молодых людях, которые где-то поблизости работали на заготовке древесины. Их хвалили: «Они как птицы, которые собирают солому для своих гнезд», «Они почтительны, никогда не скажут старшему ничего плохого». И это была правда, хотя дальнейшая беседа выявила, что отношения поколений даже в этих дебрях сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Стариков тревожило, например, что молодые люди упорно не желают посвящать свою жизнь поискам дикого женьшеня. Их не устраивает эта профессия, ее сезонность, да и вообще она непрестижна: труд тяжелый и нередко бесплодный. Да и к лесу они относятся как к скопищу деревьев и кустов.

— Наши дети стали гордыми, а гордость — это что-то вроде нарыва: причиняет боль при легком прикосновении, — говорил женьшенщик Сон, лицо которого темно-коричневым цветом и глубокими морщинами напоминало скорлупу маньчжурского ореха.

— Трудно понять, когда они шутят, а когда говорят всерьез. Нельзя сказать наверняка, чего они хотят, — добавил другой старик, согнутый пополам долгим и тяжким трудом.

Старожилам лесов казалось, что желания и стремления их детей несоизмеримы с имеющимися средствами и возможностями.

Выходит, старики не совсем понимали молодежь. Она выросла в несравненно лучших условиях, и у нее счаст-

ливое будущее. Молодые люди не хотят смотреть на жизнь сквозь призму старых традиций и привычек. Я старался понять и то и другое поколение, но больше почему-то сочувствовал старикам.

Конечно, таежным искателям не нужны райские кущи — их вполне устраивает окружающая природа. И не только устраивает — они просто жить не смогли бы без тайги. Для них самое ужасное — вырубленный лес, когда от могучих деревьев остаются только пни. Однако сказать о стариках лишь это — значит сказать очень мало.

Главное в их поведении — начала нравственные. Нравственность сложилась не на почве морализующей философии и не на основе страха перед потусторонним миром, а на базе чувства ответственности каждого искателя перед группой, частью которой он является. Как всякие нормальные люди, они привыкли взвешивать элементы опасности, следить за тем, чтобы они не превышали допустимой нормы. Старые искатели знают, что «повсюду робких людей больше, чем храбрецов», и себя не выделяют из общей массы. Но риск неотделим от профессии женьшенщика, и это сказалось на их характере. К тому же, подолгу бывая в лесах, оторванные от населенных пунктов, они, к собственному удивлению, не раз убеждались, что от них самих зависит многое. Это укрепляло у каждого чувство ответственности перед товарищами.

Что же, эти искатели — какое-то особенное племя? Ничего подобного. Их просто по-иному строгают время и условия жизни. Когда-то злые ветры нужды загнали молодых крестьян в сырую гущу лесов. Там судьба испытала их на такие человеческие качества, как дружба, верность, взаимная выручка, твердость духа, бесстрашие. Некоторые не выдерживали испытания. Тайга их пугала. Им не подходили простота лесной жизни и жесточайшее ограничение потребностей. «Пусть в этой сырости живут мокрицы», — говорили они и возвращались пахать землю.

А те, кто устоял, не капитулировал, те обрели себя в лесах. Раскрылись их чувства, помыслы стали смелыми и свободными, как окружающая их буйная природа. Лес манил их, как манит мираж, он был тем кислородом, который питал и освежал их кровь, а найденный корень — отнюдь не каждодневное счастье — обжигал их сердца огненным хмелем, рождал религиозный экстаз.

Поэты в душе, они ценят и красоту лесов, и прога-лины, на которых цветы рисуют живописные узоры. О, эти лесные цветы Северной Кореи! Кто не залюбуется пушистыми головками ветреницы, золотым горлицетом, темно-синей корейской медуницей, ярко-огненной махровой купальницей, багульником, покрывающим сопки, бледно-сиреневым мунхва — самым нежным цветком страны, душистыми желтыми лилиями среди больших листьев ревеня!

С интересом слушал я истории из скитальческой жизни женьшенщиков. Это не было спокойное и однообразное повествование. Оно прерывалось страстными вспышками, когда речь заходила о преданиях и легендах. Впечатления этих людей живы и сильны. Часто нить рассказа обрывалась, рассказчик, вспомнив нечто более яркое, менял тему и к прежней уже не возвращался.

Сколько этих людей погибало от голода, пропадало в лесах, становясь добычей диких зверей, умирало от болезней. Но самыми страшными их врагами были люди — жестокие охотники за искателями корня. Такая «охота» была для «охотников» не опасной, так как женьшенщики никогда не носили при себе оружия. (Издавна считалось, что человеку вооруженному и порочному корень жизни не отыскать ни за что. Женьшень уходил от такого пришельца глубоко в землю, лес начинал стонать, а горы — дрожать.) Один или два бандита, вооруженные берданками или короткоствольными винчестерами с магазинами, шли за искателями до тех пор, пока те не наполняли свои сумки драгоценным корнем, а потом нападали на лагерь женьшенщиков, расположившихся на ночлег, убивали их и овладевали их богатством. Среди искателей тоже случались стычки. Найти корни было легче, чем поделить их между артельщиками.

Страшные проклятия обрушивались на тех, кто похищал собранный женьшень: «Да падет гнев духов на твою голову; да будет твоя жизнь короткой и тяжелой; да станут твои дети сиротами, а у сирот родятся новые сироты; да перехватят твое горло спазмы и ты задыхнешься; да застрянет в твоем горле рыба кость; да сгниет твой язык; да выльются твои глаза; да заразишься ты дурной болезнью и умрешь от нее; если ты, вор и семя вора, грязный пес, не вернешь мне мой корень, то буду проклинать тебя вечно и днем и ночью».

— Наша работа,—говорил Чо Дянхи, попыхивая медной трубочкой на длинном мундштуке из камыша,—

что сж в руках: бросить жалко и держать больно.

Затянувшаяся пауза не означала, что разговор окончен. Старики не спешили.

— Что бы вам ни говорили, все-таки самая большая для нашего брата опасность — это хозяин тайги, свирепый ван,—продолжал Чо, у которого на руках и на лице были следы от когтей вана — тигра.

Любопытно отношение к нему женьшенщиков. Они боятся этого полосатого красавца, считая его воплощением зла на земле, и, чувствуя, что страх не делает им чести, стараются оправдаться.

— Только поворожденный теленок может не бояться тигра, потому что теленок глуп,—говорили они.

Вместе с тем они приписывают ему и некоторые положительные качества: тигр охраняет таежный корень, не допуская, чтобы он достался дурному человеку.

У искателей женьшеня тигр вошел в поговорки. Так, высшая степень удачи, граничащей с авантюрой, выражается фразой: «Дергать тигра за хвост и не быть им растерзанным». А оплошность оправдывают словами: «Даже у тигра бывает время, когда он дремлет». «Дать тигру крылья» — страшное обвинение, означающее содействие преступнику, злодею.

В среде искателей весьма живучи предрассудки. Беспорно, этих людей нельзя назвать религиозными, они скорее суеверны. Преклоняясь перед духами, они, однако, усматривают в них не столько грозных и таинственных властителей, сколько объекты, которым можно излить душу в беде. Женьшенщики верят в счастливые и несчастливые дни, в удачливые места, в вещей смысл собачьего лая и особенно в сны. Никто из них никогда не скажет, где нашел корень, даже человеку, которого нельзя и заподозрить в намерении стать женьшенщиком, а любопытным старики отвсчали неопределенно: «Это не так далеко да и не очень близко».

Беседа наша затянулась. Сначала мы долго говорили о жизни моих новых друзей — таежных искателей, затем я, по их просьбе, рассказал им о нашей стране. Когда же беседа перекинулась на тему о международном положении, белоголовый, как лунь, Тхэк глубокомысленно изрек:

— Да, мировая черепаха, на которой стоит Земля, начала угрожающе переступать с ноги на ногу.

Друзья Тхэка вежливо молчали, чтобы не помешать излиться потоку его мудрости. Я тоже молчал, понимая,

что после анализа международного положения, сделанного Тхэком, нам уже не прийти к взаимопониманию в оценке причин мировых потрясений. К тому же моя задача состояла не столько в том, чтобы дискутировать, а в том, чтобы понять этих людей и как можно больше узнать об их жизни.

По всему, что меня окружало, по облику моих собеседников трудно было понять, в каком веке они живут. Зерно, овощи они выращивают сами. В большом ходу дикоросы, многие из них идут в пищу, иные используются как лекарства. Даже часть одежды они шьют из домотканых тканей, а среди того, что можно назвать мебелью и кухонной утварью, почти все сделано их собственными руками. Тут не надо искать прошлое, оно повсюду. Неужели женьшенщики так бедны? Конечно, нет. Может быть, этим старикам трудно расстаться с привычным бытом?

Они забыли о нищете, которая прежде была их уделом. О прошлом они вспоминали без особой симпатии и сожаления. Старики многое повидали на своем веку. Их обирали перекупщики до последнего гроша. Искатели их боялись, как чумы. «Даже собака, если бы ее влекло не к мясу, а к деньгам, не смогла бы собрать больше, чем накапливали эти грязные черепахи»,—говорили старики. Воспоминания о прошлом, когда «радости были малы, словно капельки росы, а страдания от незаслуженных обид и несбывшихся желаний необъятны», жгли сердца женьшенщиков, распалляли их, они все чаще ругались и все сильнее размахивали руками.

Ныне правительство всячески поощряет сбор дикого женьшеня. Его ищут в местах, где не было пожаров. Самый близкий родич женьшеня, с которым, кстати сказать, он никогда вместе не растет,— так называемое чертово дерево, или, как его именуют в советском Приморье, «не-тронь» — превышающий человеческий рост однолетний кустарник с большими, отливающими чернотой колючками по всему стеблю. Значит, туда, где обитает «чертово дерево», за инсамом идти нет смысла.

Женьшень — растение реликтовое, довольно капризное. Достаточно небольшого изменения среды, и оно погибает. Случается, что без всякого видимого повода корень как бы замирает на несколько лет, не дает ростков, сам, однако, продолжая жить. Сперва он выбрасывает два маленьких трехпалых листка, которые скоро увядают, и только после этого появляются пяти-

палые листья. Обыкновенно их три или четыре, пять-шесть — явление очень редкое. Никому не удавалось найти женьшень с семью и более листьями. По числу листьев судят о величине корня.

Внешне листья сходны с раскрытой ладонью человека. Поверхность листа гладкая, края мало зазубрены. Цветет женьшень в июне—июле розоватыми цветами, бывают и снежно-белые, но очень редко. Самая большая высота растения — не больше одного метра, а толщина стебля не достигает сантиметра. Самый ценный женьшень должен иметь чистый, гладкий корень с короткими мочками. Цена дикого женьшеня зависит еще от места, где он был найден, а также от того, как сильно корень походит на человеческую фигуру.

Промысел дикого женьшеня в Корее все время сокращается. Этому несколько причин. Прежде всего меньше остается девственных лесов: число заготавливающих лес организаций растет быстрее, чем поднимаются посадки на вырубленных землях. Одновременно редуют ряды старых профессионалов-искателей. Молодежь стремится приобрести современную профессию, которая обеспечила бы их постоянной работой и твердым заработком. Может быть, мои собеседники были последними могиканами тайги?

Женьшень перекочевал на гряды плантаций. Только государство, осуществившее учет всех земель, на которых может выращиваться женьшень, смогло организовать такие хозяйства. Им приходится преодолевать много трудностей. Например, участки, на которых хотя бы раз было высажено это разборчивое растение, могут стать пригодными для повторных посадок только через два-три десятилетия. Можно, конечно, высаживать женьшень на одном и том же месте несколько лет подряд, но тогда будут выкапывать не целебный корень, а хвосты, напоминающие сельдерей или петрушку.

Мне приходилось бывать на самых лучших плантациях женьшеня в республике, которые размещены в районе города Кэсон на площади около 300 гектаров. (Кэсонский женьшень пока что самый популярный среди всех плантационных корней на мировом рынке.) О людях, которые там трудятся, можно сказать, что они не верят ни в духов, ни в богов и далеки от суеверий. Они не подражают таежным искателям, которые носят с собой кроме перечисленных выше предметов вырезанную из орехового дерева кисть руки, пальцы которой сложены в ку-

кийш, как средство от дурного глаза и всех напастей. Это люди совсем иной чеканки.

Впрочем, не все обычаи старых искателей исчезли бесследно. Плантационные рабочие сохранили кое-что от старого почитания корня. Например, сбор женьшеня, а точнее, извлечение его из земли происходит и сейчас со всей возможной торжественностью, при полной тишине и в присутствии администрации плантации, представителей общественных организаций. Участок, с которого снимается урожай, огораживают бамбуковыми шестами с разноцветными флагами. Однако теперь не произносят благодарных молитв небу, окружающим деревьям и травам, не расточают им лстивых похвал, называя их яшмовыми, а цветы коралловыми.

Рабочие и работницы плантаций изучают агротехнику, делятся опытом друг с другом. Каждый стремится вырастить на своем участке необычные, уникальные экземпляры. Может быть, именно поэтому на кэсонских плантациях собираются лучшие в Корее семена женьшеня. Эти люди слишком ценят свое время, чтобы уподобляться старым искателям и заполнять свой досуг рассказами о медведях, мечтающих стать людьми, о лисицах, принимающих облик красавиц или безобразных старух. Это новые люди в очень старом деле. У них достаточно умения, а еще больше профессионального чутья, и они прекрасно пользуются этим даром. Их настойчивый труд поддерживается верой в то, что он нужен республике.

В поселке живут рабочие, там же находится управление государственными женьшеневыми плантациями. Два раза в день от поселка к плантации курсируют автобусы. Я разговаривал с бригадиром питомника женьшеневой рассады Ан Досуном, а потом попросил разрешения посмотреть, как он живет. Ан представил мне свою жену, которая обратилась ко мне с приветствием, спросив, ел ли я. Это то же самое, что наше «здравствуй». Вежливый ответ всегда утвердительный, независимо от того, сыт ты или голоден. В случае со мной положительный ответ был правдой: перед приездом сюда я хорошо пообедал в кэсонской гостинице.

В доме, к которому вела посыпанная песком и выложенная дерном дорожка, были две веранды и два входа для двух семей. Каждая семья занимала по квартире (две комнаты, маленькая прихожая и кухня). Прихожая и кухня были увешаны гирляндами красного

перца, от которого щекотало в носу и в горле, уставлены керамическими чанами с квашеными овощами. В обеих комнатах каны отапливались с кухни. Тазики и ковши для воды — пластмассовые, а посуда — корейского фаянса.

Я спросил у хозяев об их родителях. Оказалось, что Ан — сирота с семилетнего возраста. Отец и мать хозяйки, которая выглядела значительно моложе своего мужа, живут в соседней деревне и часто навещают дочь и зятя. В семье трое детей, по-здешнему это средняя семья. Все три девочки учатся в школе.

Меня приняли гостеприимно, угостили чаем с печеньем, водкой, настоянной на травах и тонких отростках женьшеневого корня. Корейцы пьют мало спиртного, только для веселья, хорошего настроения или для того, чтобы согреться в холодные дни. Они презирают пьяниц и особенно тех, кто, захмелев, начинает куражиться. Вино, считают они, портит порядочного человека, делает его несдержанным.

Хозяин поинтересовался, что я думаю о выводе американских войск из Южной Кореи. Когда это наконец произойдет? Он сказал, что тиранию везде ждет позорный конец. В ряде стран такой конец уже наступил. Но в Южной Корее этого еще не случилось, хотя дни сеульского режима сочтены. Кэсонские плантации расположены недалеко от демаркационной линии, и по грохочущей там стрельбе жители поселка определяют состояние отношений между Севером и Югом. Ан Досун расспрашивал о нашей стране, за жизнью которой он постоянно следит. Однако никак не мог представить себе бескрайние ее равнины и все допытывался, неужели там не видно сопки, хотя бы вдали, неужели все ровно, как стол.

Когда разговор зашел о вещах, в него вмешалась жена Ана. Она не из тех, кто согласился бы, что молчание — золото. Слова, как долго сдерживаемый поток, лавиной устремились наружу. Она поведала мне о многом: семья отложила деньги на швейную машину, они уже приобрели холодильник и велосипед, двое часов, много посуды, два стеганых одеяла.

— Мы смогли еще купить хорошие подарки для моих родителей, — закончила она с выражением вопроса на лице: ну, что вы на это скажете?

Сейчас на женьшеневых плантациях трудятся и мужчины и женщины. Правда, женщин меньше. А раньше их к женьшеню и близко не подпускали. Корень счи-

тался символом солнца, творческой мужской силы. Луна же была символом женщины, так как вся жизнь слабого пола подвержена влиянию лунных циклов. Свет луны — это отраженный свет солнца. Такая концепция ставила барьер для женщин и на пути к женьшеню. Но после освобождения страны народная власть обрекла этот предрассудок, как и многие другие, на забвение.

Переселенному из лесов на гряды растению сохраняют привычные для него условия. В диком виде оно росло в лиственных лесах, избегало солнечного света, любило тепло и влагу, однако боялось слишком большого количества воды. Его врагами были птицы, крысы и пресмыкающиеся. Все эти особенности женьшеня принимаются в расчет при выращивании его на плантациях.

Некоторые способы возделывания женьшеня, особенно его обработки после извлечения из земли, держатся в тайне. Ведь женьшень, который продается через специальные представительства в Гонконге и Сингапуре, в Европе и Америке, приносит республике хороший доход в иностранной валюте.

Мне пришлось ознакомиться в самом общем виде с выращиванием этого многолетнего травянистого растения из семейства аралиевых. Какова же его новая жизнь? Вот что можно сказать о ней.

Собранные в сентябре семена проходят обработку для повышения всхожести. За две недели до посадки их кладут в сырую землю и держат там при температуре два-шесть градусов выше нуля. В начале апреля их высаживают в питомники. Для этого еще в марте подготавливается почва: земля перебирается руками, просеивается через сито. Может случиться, что семена не прорастут. Это не означает, что они погибли. Просто для них на этот раз не оказалось благоприятных условий.

Через год, когда на стебле появляется первый листок, женьшеневую рассаду пересаживают на гряды. Так как солнечные лучи губительно действуют на ростки, они большую часть дня должны находиться в тени. Для этого над рассадниками, как и над грядами, строят шалаш высотой не более одного метра. Только раз в день, между семью и десятью часами утра, снимают покрытие шалашей, и тогда на растения падают косые лучи солнца. Женьшень очень нежный, его легко могут сломать ветер, дождь и даже ползущее по нему насекомое. Поэтому с боков делают ограждения или высаживают кусты и широколиственные травы. Землю удобряют точ-

но таким же перегибом, какой доступен растению в условиях тайги. Обильное внесение иных удобрений приводит к тому, что корень разрастается, грубеет, а его целительная сила ослабевает.

Через три-четыре года на стебле появляется цветок, который, отцветая, дает семена. Через пять лет листьев становится четыре, а то и пять. Женьшень пасынкуют, то есть уничтожают боковые побеги, если они появляются. Когда мало дождей, растения поливают из леек через два-три дня. На кэсонских плантациях корень становится зрелым через шесть лет, в редких случаях через семь. Дальнейшее пребывание в грунте признано бесполезным. Дикому женьшеню для достижения зрелости надо лет тридцать, а то и более. Плантационный женьшень цветет розовато-белым цветом. Вначале его плод светло-зеленый, а к сентябрю становится красным, как вишня. Тогда женьшень считается созревшим. В это время обычно и выкапывают корень.

— Как велик его урожай? — спросил я корейских специалистов.

— На лучших плантациях Кэсона сусамы — сырого женьшеня — собирают до четырехсот килограммов с гектара, — ответили мне.

Самые отборные корни должны быть без морщин и трещин, размером чуть крупнее большого пальца мужской руки. На них два ответвления снизу и два сверху, у самых плечиков корня. Эти лучшие образцы белого женьшеня (пэксама) идут на изготовление красного (хонсама). Его производят опытные специалисты по традиционным образцам. Как утверждают пхеньянские ученые, кроме тех компонентов, которые содержатся в обычном белом женьшене, красный имеет еще так называемую женьшеневую кислоту, повышающую тонус кишечника. Действие красного женьшеня на организм человека более быстрое и длительное.

Существует много способов употребления женьшеня. Однако лучшим корейцы считают порошок из толченого корня, разведенный в теплой воде или же смешанный с медом, с отварным рисом, с овощами и т. д. Для выздоравливающих после тяжелых недугов женьшень готовят по такому рецепту. Корень нарезают на небольшие кусочки и тушат их в рисовом фарше, помещенном внутри курицы или утки. Тушение производится на медленном огне в течение шести-восьми часов. Фарш и мясо птицы съедают вместе с кусочками распаренного женьшеня в

течение пяти дней. Широко распространены различные настойки из корня на крепком растворе сахара, на спирту или водке.

Во время приема женьшеня весь режим больного должен измениться. Нельзя употреблять спиртное, острое, запрещаются половые излишества. Женьшеневые лекарства принимают в предвесенние прохладные месяцы по три раза в день. В жаркие дни прием прекращается. Курс лечения длится шесть недель. Обычная норма настойки — от пяти до пятнадцати граммов на стакан теплой воды. Корейские медики считают, что во всех случаях лечения женьшенем пациент должен находиться под наблюдением врача.

У меня было несколько встреч с корейскими учеными, работающими с женьшенем, среди них с вице-президентом Академии медицинских наук и заведующим отделением управления фармацевтической промышленности. Они рассказывали о широких научных исследованиях, которые велись в республике. Тогда еще не были как следует изучены состав женьшеня и его действие на организм человека. Однако никто не сомневался в целобности корня. Опыт множества людей в течение столетий доказал, что женьшень превосходит другие лекарственные средства. Об этом было известно не только в Корее, но и в Китае, в Японии и в других странах Азии. Сейчас корейских ученых интересовал свой, корейский женьшень. Над этими задачами работала и продолжает работать большая группа специалистов в Пхеньяне и в Кэсоне.

Вместе с тем надо было изменить скептическое отношение к женьшеню как к лекарству со стороны некоторых западноевропейских врачей. Никто из специалистов КНДР, конечно, не рассматривает корень как универсальный препарат. В Корее его всегда считали эффективным средством от усталости, головной боли, истощения, использовали при лечении туберкулеза и диабета, при болезнях сердечно-сосудистой системы.

Не делая никаких оценок высказанным корейскими учеными суждениям о целительной силе женьшеня, я приведу некоторые, на мой взгляд, важные сведения, почерпнутые из бесед с ними.

В составе корня на фосфор приходится 53 процента общего количества минеральных веществ, на серу — 17 процентов, далее идут калий, кальций, магний, натрий, железо, алюминий, кремний, барий, марганец, титан, ва-

надий. Из химических соединений в нем есть различные глюкозиды, органические кислоты и аминокислоты, эфирные масла, витамины.

Женьшень оказывает регулирующее влияние на обмен нуклеиновой кислоты и белковый обмен, способствует обновлению тканевых компонентов, улучшает ассимиляцию питательных веществ, понижает содержание сахара в крови. Он предотвращает избыточное отложение жира в печени, оказывает благотворное влияние на функцию надпочечной коры, регулирующей минеральный обмен. Он усиливает сокращение сердечных мышц и облегчает пульсацию сердца. Эффективен при лечении артерносклероза, восстанавливает нормальное кровяное давление, активизирует кроветворную функцию. В зависимости от принимаемой дозы женьшень может возбуждать или успокаивать кору головного мозга. Он оживляет интеллектуальную деятельность и восстанавливает бодрость при умственном переутомлении.

Исследования свойств и полезного действия женьшеня на организм человека продолжаются. Выяснено, что при определенных условиях наряду с положительным воздействием он оказывает и негативное действие. Японские специалисты объясняют это богатым содержанием в женьшеневом корне сильнодействующих биологически активных веществ. Одно из них дает эффект, стимулирующий какую-нибудь функцию человеческого организма, а другое — подавляющий. Поэтому принимать женьшень надо с большой осторожностью.

Корейскими учеными выяснено, что все компоненты, которые вложила природа в свое прихотливое дитя, прекрасно усваиваются человеческим организмом, что их воздействие эффективно только в том комплексе, в котором они естественно сложились в корне, этом бесспорном феномене растительного мира.

Теперь можно бы и закончить рассказ о таежном сокровище, которое люди перенесли из лесов на гряды плантаций. Но у читателя, вероятно, возникли вопросы. Выращивают ли женьшень в других местах, кроме Кореи? Возможно ли у нас, в Советском Союзе, культивирование плантационного женьшеня в тех количествах, которые необходимы? Советские ученые многое сделали в раскрытии тайны корня жизни и его выращивании на плантациях. Корейцы проявляют большой интерес к этим работам. Известно, что в советском Приморье женьшень собирают в тайге и культивируют как план-

тационное растение. Немало сделано для распространения женьшеня на Кавказе сотрудниками Тебердинского заповедника. Должно быть, вопрос сводится к расширению масштабов этой работы, чтобы полностью покрыть спрос фармацевтической промышленности.

Вернемся, однако, к нашим женьшенщикам, этим простым, чистосердечным старикам. Трогательным было мое расставание с ними. Я не в силах был выразить переполнявшее меня чувство благодарности, которую заслужили эти таежные искатели своим нелегким и необычным трудом.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
ТЫСЯЧЕЛЕТНИЙ КЭСОН	5
ВОЛШЕБНИЦЫ ЖИВУТ В АЛМАЗНЫХ ГОРАХ	32
РИС — ЭТО ХЛЕБ КОРЕИ	50
КОРЕНЬ ЖИЗНИ	77

Иван Гаврилович Лобода

КОРЕЙСКАЯ МОЗАИКА

*Утверждено к печати
редколлекцией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Редактор *Р. Г. Стороженко*
Младший редактор *Г. А. Аристова*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректор *Н. Б. Осягина*

ИБ № 15305

Сдано в набор 23.05.84. Подписано к печати 11.12.84. А-13622. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 5,46. Усл. кр.-отт. 5,93. Уч.-изд. л. 5,75. Тираж 30 000 экз. Изд. № 5665. Зак. № 361. Цена 35 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

35 к.